

## Дело «Кудла против Польши»

Постановление ЕСПЧ от 26 октября 2000 года № 30210/96

Принято Европейским судом по правам человека

По делу "Кудла против Польши" Европейский суд по правам человека, заседавая Большой палатой в составе:

л. Вильдхабера, Председателя Палаты,

э. Пальм,

ж.-П. Коста,

а. Пастора Ридруехо,

Дж. Бонелло,

е. Макарчика,

п. Куриса,

р. Тюрмена,

ф. Тюлькенс,

в. Стражнички,

п. Лоренсена,

м. Фишбаха,

й. Касадеваля,

Х.С. Грев,

А.Б. Бака,

с. Ботучаровой,

м. Угрехелидзе, судей, а также при участии П. Дж. Махони, Заместителя Секретаря-Канцлера Суда, заседавая 7 июня и 18 октября 2000 г. за закрытыми дверями,

вынес на последнем заседании следующее Постановление:

### ПРОЦЕДУРА

1. Дело было передано в Европейский суд Европейской комиссией по правам человека (далее - Европейская комиссия) 30 октября 1999 г. и гражданином Польши Анджеем Кудлой (Andrzej {\Kudla}) (далее - заявитель) 2 декабря 1999 г. в соответствии с положениями, применимыми до вступления в силу Протокола N 11 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (пункт 4 статьи 5 Протокола N 11 к Конвенции и бывшие статьи 47 и 48 Конвенции).

2. Дело было инициировано жалобой (N 30210/96), поданной 12 апреля 1995 г. заявителем в Европейскую комиссию по правам человека против Республики Польша в соответствии с бывшей статьей 25 Конвенции.

3. Заявитель утверждал, в частности, что он не получал адекватной психиатрической помощи во время содержания под стражей в порядке предварительного заключения; что срок содержания его под стражей был

неразумно долгим; что его право на "судебное разбирательство дела в разумный срок" не было соблюдено и что в его распоряжении не было эффективных внутригосударственных средств правовой защиты, с помощью которых он мог бы обжаловать чрезмерный срок производства по его делу.

4.20 апреля 1998 г. Европейская комиссия объявила жалобу частично приемлемой для рассмотрения по существу. В своем Докладе от 26 октября 1999 г. (бывшая статья 31 Конвенции) Европейская комиссия выразила мнение, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции (четырнадцатью голосами против тринадцати); что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции (единогласно); а также что нет необходимости отдельно рассматривать вопрос о том, имело ли место нарушение статьи 13 (восемнадцатью голосами против девяти).

5. В Европейском суде интересы заявителя, которому была предоставлена правовая помощь, представляли К. Тор (K. Tor) и П. Солхай (P. Solhaj), адвокаты из г. Кракова (Cracow), Польша. Власти Польши в Европейском суде были представлены Уполномоченным Польши при Европейском суде по правам человека К. Джевицки (K. Drzewicki), Министерство иностранных дел Польши.

6.6 декабря 1999 г. коллегия Большой палаты решила, что дело должно быть рассмотрено Большой палатой (пункт 1 правила 100 Регламента Суда). В соответствии с пунктами 2 и 3 статьи 27 Конвенции и правилом 24 Регламента Суда был определен состав Большой палаты. В целях надлежащего отправления правосудия Председатель Европейского суда указал (правило 24, пункт 2 правила 43 и правило 71 Регламента Суда), что дело должно быть рассмотрено тем же составом Большой палаты, который рассматривает дело "Микульски против Польши" (Mikulski v. Poland) (жалоба N 27914/95).

7. Заявитель и власти Польши представили свои меморандумы.

8. Впоследствии Председатель Большой палаты предложил властям Польши предоставить историю болезни заявителя, хранящуюся в арестном центре г. Кракова с момента заключения того под стражу 4 октября 1993 г. Власти Польши предоставили соответствующие документы 12 мая 2000 г. Копии этих документов были направлены заявителю 25 мая 2000 г.

9.7 июня 2000 г. во Дворце прав человека в г. Страсбурге состоялись открытые слушания по делу (пункт 2 правила 59 Регламента Суда).

В Европейский суд явились:

а) от властей Польши:

к. Джевицки, Уполномоченный Польши при Европейском суде по правам человека,

м. Васек-Виадерек (M. Wasek-Wiaderek),

к. Калиньски (K. Kalinski), советники,

в. Джиубан (W. Dziuban), эксперт;

б) от заявителя:

к. Тор;

п.Солхай, советники.

Европейский суд заслушал обращения П. Солхая, К. Джевицки, К. Калиньски, М. Васек-Виадерек и К. Тора.

#### ФАКТЫ

##### I.Обстоятельства дела

А.Заклучение заявителя под стражу и уголовное преследование заявителя  
10.8 августа 1991 г. заявитель был доставлен к прокурору воеводства (Prokurator  $\{Wojewodzki\}$ ) Кракова по обвинению в мошенничестве и подделке документов и был заключен под стражу. После того как заявитель сообщил прокурору, что он страдал различными заболеваниями (в частности, депрессией), государственные органы направили его на медицинское обследование. Несколько дней спустя, заявитель прошел медицинский осмотр, по результатам которого он был признан годным к содержанию под стражей в тюрьме. Его поместили в арестный центр (Areszt  $\{Sledczy\}$ ) г. Кракова.

11.Позднее, в неустановленный день заявитель обжаловал постановление о заключении его под стражу. 1 августа 1991 г. суд воеводства ( $\{Sad Wojewodzki\}$ ) Кракова отклонил его жалобу, отметив, что имелись убедительные доказательства того, что он совершил преступления, в которых его обвиняли. Сославшись на результаты медицинского обследования заявителя, суд установил, что отсутствовали обстоятельства, оправдывавшие освобождение заявителя по состоянию здоровья.

12.С августа 1991 года по конец июля 1992 года заявитель подал около 30 ходатайств об освобождении и жалоб на решения об отклонении его ходатайств.

13.В октябре 1991 года заявитель совершил попытку самоубийства. С 4 ноября 1991 г. он объявил голодовку на не уточненный сторонами период.

14.В ноябре 1991 года государственные органы назначили медицинское обследование заявителя. Эксперты с факультета судебной психиатрии Ягеллонского университета (Jagiellonian University) 25 ноября 1991 г. составили экспертное заключение. Врачи считали, что заявитель не мог содержаться в обычной тюрьме и рекомендовали в случае продления срока содержания заявителя под стражей поместить его в психиатрическое отделение тюремной больницы. После этого заявитель был переведен в тюремную больницу г. Бытома (Bytom), где его поместили в отделение внутренних болезней и проводили психиатрическое лечение. Заявитель провел в больнице некоторое время. Затем его вернули в арестный центр г. Кракова.

15.20 января и 27 февраля 1992 г. заявитель был осмотрен специалистами в области судебной медицины. Специалисты признали, что заявитель нуждался в психиатрическом лечении в тюрьме, а также что не было необходимости переводить его в психиатрическое отделение тюремной больницы.

16.30 апреля 1992 г. обвинительное заключение по делу заявителя было направлено в суд воеводства Кракова. В целом, заявителю и девяти его

сообщникам было предъявлено обвинение по 29 пунктам. Уголовное дело состояло из 19 томов. Прокуратура просила суд допросить 98 свидетелей. 17.15 июня 1992 г. по поручению суда врачи из психиатрической больницы г. Кракова и с факультета медицины Ягеллонского университета составили заключение относительно психологического состояния заявителя. В заключении говорилось, *inter alia*:

"У пациента наблюдается устойчивая склонность к самоубийству. По результатам медицинского обследования мы можем сделать вывод, что он страдает глубокой депрессией, сопровождающейся мыслями о самоубийстве. Учитывая частоту мыслей о самоубийстве и тот факт, что он уже пытался совершить суицид, он должен пройти курс психиатрического лечения. Содержание его под стражей создает угрозу его жизни (существует большая опасность новых попыток самоубийства)...".

18.27 июля 1992 г. суд воеводства Кракова отменил постановление о заключении заявителя под стражу.

19.26, 27 и 28 октября, а также 14 и 15 декабря 1992 г. суд провел слушания по делу заявителя. Судебное заседание, назначенное на 8 февраля 1993 г., было отменено, так как заявитель не явился в суд. Адвокат заявителя предъявил справку, подтверждавшую, что заявитель находился в пятидневном отпуске по болезни. Тем не менее, суд предписал заявителю в течение трех дней предоставить медицинское заключение, подписанное судебно-медицинским экспертом, иначе "к нему будут применены меры пресечения (*{srodki}* *zarobiegawcze*) для обеспечения его явки в суд". Заявитель не предоставил требуемое заключение, но 12 февраля 1993 г. сообщил суду, что проходит климатическое лечение в г. Свиноуйсце (*{Swinoujście}*) и собирается оставаться там до 7 марта 1993 г. Так как заявитель не сообщил адрес, по которому ему слать повестки, 18 февраля 1993 г. суд объявил его в розыск с целью найти его и заключить под стражу на том основании, что он не являлся в суд. Следующее судебное заседание, назначенное на 16 марта 1993 г., было отменено из-за неявки заявителя.

20.Постановление о заключении заявителя под стражу от 18 февраля 1993 г. было исполнено только 4 октября 1993 г., когда заявитель был задержан сотрудниками полиции в связи с нарушением правил дорожного движения. Его поместили в арестный центр г. Кракова.

21.Суд воеводства назначал судебные заседания на 6 октября и 15 и 17 ноября 1993 г., но отменял их из-за психического состояния заявителя (в частности, трудностей с концентрацией внимания), которое не позволяло ему нормально участвовать в судебном заседании. 17 ноября 1993 г. тюремный врач описал состояние заявителя следующим образом:

"Может принимать участие в сегодняшнем заседании (с некоторыми ограничениями, связанными с [трудно разобрать почерк] трудностями с концентрацией внимания)".

Согласно очередному экспертному заключению (полученному судом в конце 1993 года) заявитель на тот момент "не страдал психическими расстройствами", и его психическое состояние "не препятствовало содержанию его под стражей".

22.18 октября 1993 г. адвокат заявителя безуспешно обжаловал постановление о заключении под стражу на том основании, что заявитель после освобождения его 27 июля 1992 г. постоянно лечился от глубокой депрессии, и причиной его неявки на судебные заседания являлось его психологическое состояние.

23.С октября 1993 года по ноябрь 1994 года заявитель безуспешно подал 21 ходатайство об освобождении и 21 жалобу на отказы в удовлетворении ходатайств.

24.13, 14 и 16 декабря 1993 г. суд проводил слушания по делу. Заседания суда, назначенные на конец января 1994 года, были отменены, так как 26 января 1994 г. заявитель пытался совершить самоубийство путем передозировки лекарств (см. ниже § 63 - 64).

25.Судебное разбирательство продолжалось 14, 15 и 16 февраля 1994 г. Судебные заседания, назначенные на 12 и 14 июля 1994 г., были отменены, так как заявитель отозвал доверенность, выданную его защитнику. 20, 21 и 22 сентября, 25 и 26 октября, 14 и 15 ноября 1994 г. были проведены судебные заседания. Судебные заседания, назначенные на 20, 21 и 22 декабря 1994 г., были отменены, так как одного из подсудимых, проходивших по тому же делу, в это время госпитализировали.

27.17 ноября 1994 г. заявитель направил жалобу председателю суда воеводства Кракова на срок содержания его под стражей и производства по его делу. Он жаловался, в частности, что все девять подсудимых, проходивших по тому же делу, были освобождены, а он по-прежнему содержался под стражей, несмотря на то, что общий срок его заключения уже превысил два года. Он утверждал, что протоколы судебных заседаний не отражали показания свидетелей, что суд не занес в протокол его замечания и замечания его адвоката, а также не позволил ему свободно изложить свою версию событий. Производство по уголовному делу против него, продолжавшееся к тому времени более четырех лет, являлось, если можно так сказать, "кошмаром".

28.7 декабря 1994 г. заявитель жаловался в суд на психиатрическое лечение его в тюрьме. Председательствующий судья попросил разъяснений у администрации арестного центра, которая сообщила ему о количестве проведенных медицинских обследований заявителя и предоставила подробности этих обследований и копии соответствующих медицинских документов.

29.Примерно в то же время заявитель снова подал в суд ходатайство об освобождении его из-под стражи по состоянию здоровья. Он также сослался на свое семейное положение, указав, что длительное содержание его под стражей держало его семью в значительном напряжении. 8 декабря 1994 г. суд воеводства Кракова отклонил это ходатайство.

30.4 января 1995 г. апелляционный суд (\{Sad\} Apelacyjny) Кракова, рассмотрев апелляционную жалобу заявителя, оставил без изменения Решение суда воеводства и продлил срок содержания заявителя под стражей на основании разумного подозрения его в том, что он совершил вменяемые преступления, а также ввиду того, что он содержался под стражей на том основании, что существовала опасность, что он скроется от суда. Апелляционный суд также признал, что положение семьи заявителя, хотя и непростое, не является обстоятельством, свидетельствующим в пользу его освобождения.

31.25 января 1995 г. адвокат заявителя обратился в суд воеводства Кракова с ходатайством об отмене постановления о заключении заявителя под стражу и освобождении его под надзор полиции. Он подчеркнул, что 23 января 1995 г. заявитель снова попытался совершить в тюрьме самоубийство путем повешения (см. ниже § 69 - 70). Этот случай вкпе с хронической депрессией заявителя сигнализировал о том, что дальнейшее содержание заявителя под стражей представляло опасность для его жизни. Он указал также, что заявитель был повторно заключен под стражу только на основании неявки его на несколько судебных заседаний. Это основание больше не оправдывало содержание его под стражей, так как доказательства против него уже были собраны, и содержание заявителя под стражей не служило цели обеспечения надлежащего отправления правосудия.

32.13 февраля 1995 г. суд воеводства Кракова отклонил это ходатайство. Суд воеводства признал, основываясь на докладе администрации арестного центра, что попытка самоубийства со стороны заявителя имела целью привлечение внимания, а также что изначальные основания содержания его под стражей еще не отпали. В докладе администрации арестного центра, датированном 10 февраля 1995 г., говорилось:

"Отвечая на запрос суда воеводства относительно подсудимого, подтверждаем, что Анджей Кудла, дело которого находится на рассмотрении Вашего суда, 23 января сего года в 4:45 совершил попытку самоубийства, чтобы привлечь внимание к его делу.

На основании информации, полученной от дежурного врача (психиатра и психолога) и сделанных им выводов, установлено, что заключенный страдал от расстройств личности, выражающихся в виде реактивной депрессии. Результатом действий заключенного явилась ссадина в области шеи в форме полосы, оставленная веревкой после повешения; неврологических изменений не наблюдалось.

Заключенный провел эту демонстрацию, потому что, по его мнению, производство по его делу было слишком долгим, а также потому что он дистанцируется от предъявленных ему обвинений.

Несмотря на его душевные проблемы, он контролирует ситуацию и оказывает давление на [администрацию арестного центра].

По решению начальника арестного центра к заключенному не было применено дисциплинарных наказаний. [С ним были проведены] психо-корректирующие



беседы, имевшие целью объяснить ему реальные угрозы для жизни и здоровья заключенного, создаваемые его поведением.

В ходе последней психиатрической консультации (проведенной после попытки самоубийства) была отмечена регрессия симптомов реактивной депрессии. Он по-прежнему содержится в камере с остальными заключенными из-за возможности причинения самому себе вреда вследствие сложившегося у него субъективного чувства страдания. Он признан трудным заключенным и поэтому находится под постоянным наблюдением и контролем медицинского персонала тюрьмы и надзирателей.

[Печать и подпись неразборчивы].

33.25 февраля 1995 г. адвокат заявителя обжаловал Решение суда воеводства, отметив, что состояние здоровья заявителя значительно ухудшилось и что тот постоянно находился в депрессии. Адвокат просил суд назначить экспертов в области психиатрии и других направлений медицины для оценки состояния здоровья заявителя, вместо того чтобы опираться на оценку, осуществленную администрацией арестного центра. Он также утверждал, что срок производства по делу заявителя был чрезмерным, и подчеркнул, что заявитель уже провел два года и четыре месяца в заключении.

34.2 марта 1995 г. апелляционный суд Кракова отклонил апелляционную жалобу. Апелляционный суд считал, что не было необходимости назначать судебно-медицинскую экспертизу, а также что заявитель должен был оставаться под стражей для обеспечения надлежащего отправления правосудия по делу. Позднее, в период с 8 марта по 1 июня 1995 г. заявитель безуспешно подал еще четыре ходатайства об освобождении и четыре жалобы на решения о содержании его под стражей.

35.13, 14 и 15 марта, 3, 4 и 5 апреля, 4, 5, 30 и 31 мая 1995 г. суд воеводства провел судебные заседания по делу и допросил свидетелей. Некоторые свидетели, которые до этого не являлись в суд, были доставлены в суд полицией.

36.1 июня 1995 г. суд воеводства Кракова признал заявителя виновным в совершении мошенничества и подделки документов и приговорил его к шести годам лишения свободы и штрафу в размере 5000 злотых. 2 июня 1995 г. заявитель и его адвокат подали апелляционную жалобу на приговор.

37.1 августа 1995 г. заявитель пожаловался в Министерство юстиции Польши на то, что суд, рассматривавший его дело, не подготовил мотивировочную часть приговора в установленный законом семидневный срок. Он утверждал, что задержка составляла уже два месяца.

38. Немного позднее заявитель ходатайствовал об освобождении из-под стражи на том основании, что длительное содержание его под стражей разрушительно сказалось на его здоровье и благосостоянии его семьи. 14 августа 1995 г. суд воеводства Кракова отклонил его ходатайство. 31 августа 1995 г., рассмотрев апелляционную жалобу заявителя, апелляционный суд Кракова оставил

Решение суда воеводства без изменения и отметил, что содержание заявителя под стражей было обосновано суровостью назначенного наказания.

39. В неустановленный день заявитель направил жалобу в Министерство юстиции Польши на длительность производства по его делу, отметив, что суд воеводства Кракова не предоставил ему мотивировочную часть приговора в установленный законом срок, что существенно затянуло производство по апелляционной жалобе. 28 августа 1995 г. начальник отдела по уголовным делам Министерства юстиции Польши, отвечая на жалобу заявителя, сообщил ему, что мотивировочная часть приговора, скорее всего, будет превышать 200 страниц, а также что несоблюдение установленного законом срока было связано с тем, что судья-докладчик находился в отпуске.

40. 27 сентября 1995 г. по поручению суда воеводства заявитель был осмотрен судебно-медицинскими экспертами из Collegium Medicum - факультета судебной медицины Ягеллонского университета г. Кракова. В заключении, составленном по результатам обследования, говорилось:

"... Как можно видеть из личного дела, с которым согласуются выводы медицинских экспертов, обследуемый проходил курс лечения в психиатрическом отделении тюремной больницы г. Вроцлава (Wrocław). Во время нахождения пациента в тюремной больнице у него наблюдались нечеткие эпизоды потери сознания. Во всестороннем заключении, составленном психиатрами из тюремной больницы г. Вроцлава, указывалось, что пациент страдал расстройствами личности и предрасположенностью к ситуативным реакциям, которые не препятствовали содержанию его под стражей при условии амбулаторного психиатрического лечения [заявителя]. [Заявитель] пояснил, что он по-прежнему содержался под стражей в арестном центре и сильно болел, его постоянно мучили боли в верхней части головы, распространявшиеся по направлению к затылку. Он очень часто не мог дышать и имел трудности с дыханием, особенно по ночам. В таких случаях он обращался к надзирателям за помощью, и они отводили его в медицинское отделение. В большинстве случаев врач прописывал ему реланиум [диазепам], который не облегчал его страдания. По словам обследуемого, он продолжал принимать реланиум дозами по 30 мг ночью и 15 мг днем. Это лекарство, как он утверждал, "организовывало его", и он не мог обходиться без него. Он чувствовал постоянную усталость, не мог уснуть ночью и чувствовал беспокойство вследствие его длительного пребывания в тюрьме. Он считал его нелепым, так как он уже "переотбыл" любое наказание, которое ему могли бы назначить. Во время собеседования с пациентом было замечено, что у того была ссадина у основания шеи. Когда был расстегнут воротник рубашки, эксперты обнаружили ссадину в форме полосы на передней части шеи, соответствующую следам веревки, которые можно обнаружить у повешенного. Обследуемый пояснил, что... он пытался повеситься с помощью простыни, но был реанимирован. Это была его вторая попытка самоубийства, и он не мог объяснить, почему он вел себя подобным образом. По его словам, у него



случались моменты, когда он чувствовал, что его сознание как будто исчезает, и в эти моменты он пытался покончить с собой, в основном путем повешения, но иногда с помощью лекарств или бритвы. Он утверждал, что однажды он уехал из дома после семейной ссоры и проснулся несколько недель спустя в пансионате в г. Свиноуйсце. Он не мог объяснить, как он оказался там и что с ним происходило в эти недели.

Обследуемый в настоящее время нормально общается, ориентирован, находится в подавленном состоянии. Он напряжен, раздражителен и испытывает сильное чувство несправедливости. По его словам, его лечили недостаточно хорошо. Ему прописывали некоторые лекарства, которые не улучшали его психическое состояние, а лишь оказывали, как он считал, "психотропный эффект".

После психиатрического обследования пациент был направлен в отделение электроэнцефалограммы для осмотра у специалиста.

Результаты осмотра прилагаются к настоящему заключению.

#### Заключение

Обследование пациента Анджея Кудлы, мужчины, 33 лет, а также анализ результатов предыдущих обследований, медицинских и психологических наблюдений, сделанных во время госпитализации, продолжавшейся несколько недель, показывали, что его психическое состояние в настоящее время является результатом расстройств личности и предрасположенности к декомпенсации в кризисных ситуациях. Эти расстройства имеют непсихотический характер, но очередные попытки самоубийства могут представлять реальную опасность для его здоровья. По этим причинам мы также считаем, что, если в интересах юридического производства требуется дальнейшее содержание пациента в тюрьме, он должен быть переведен в медицинское отделение, где за ним бы наблюдали специалисты. Ему также должен быть обеспечен доступ к психиатру и психологу.

#### Эксперт

доктор Эльчбета Скупень

(Elzbieta Skupien)

#### Эксперт

доктор Анджей Зеба

(Andrzej Zieba)"

41. 6 октября 1995 г. заявитель получил мотивировочную часть приговора и немного позднее подал апелляционную жалобу. Материалы дела были переданы в апелляционный суд Кракова 14 ноября 1995 г.

42. 22 февраля 1996 г. апелляционный суд отменил приговор в отношении заявителя и направил дело на новое рассмотрение на том основании, что суд первой инстанции рассматривал дело в неправильном составе, а также вследствие большого количества процессуальных нарушений. Во время рассмотрения апелляционной жалобы заявителя его адвокат просил суд отменить постановление о заключении заявителя под стражу, но безуспешно.

43. 11 апреля 1996 г. материалы дела были переданы в суд воеводства. Суд воеводства выделил дело заявителя в отдельное производство.

44. 30 апреля 1996 г. заявитель подал ходатайство об отмене или изменении применяемой к нему меры пресечения. 28 мая 1996 г. суд воеводства Кракова вынес Решение по ходатайству, в котором, *inter alia*, говорилось:

"... На настоящей стадии производства по делу надлежащее отправление правосудия может быть обеспечено с помощью иных мер пресечения...

Поэтому суд отменяет постановление о заключении под стражу при условии, что заявитель выплатит залог в размере 10000 злотых в течение одного месяца со дня вручения ему данного Решения..."

45. Заявитель обжаловал данное Решение и попросил суд снизить размер залога с учетом его финансового положения либо передать его под надзор полиции.

46. 11 июня 1996 г. суд первой инстанции получил заключение назначенной им психиатрической экспертизы. Эксперт делал вывод, что заявитель находился в состоянии хронической депрессии, сопровождавшейся мыслями о самоубийстве. Он считал, что заявитель мог участвовать в судебных заседаниях, но дальнейшее содержание его под стражей было связано с риском для его жизни, так как существовала вероятность того, что он будет пытаться покончить жизнь самоубийством.

47. 20 июня 1996 г. апелляционный суд Кракова отклонил апелляционную жалобу заявителя на Решение от 28 мая 1996 г., признав, что сумма залога не была завышенной, учитывая размер ущерба, причиненного в результате совершения преступлений, в которых обвинялся заявитель, и тяжесть этих преступлений. Апелляционный суд придал особое значение тому, что после того, как в июле 1992 года было отменено первое постановление о заключении заявителя под стражу, заявитель скрылся от суда и на этом основании снова был заключен под стражу. Суд добавил, что залог имел целью обеспечить явку заявителя на судебные заседания и не позволить ему своими действиями воспрепятствовать надлежащему отправлению правосудия по делу. Учитывая все обстоятельства дела, размер залога был адекватным.

48. Вскоре после этого заявитель жаловался Уполномоченному по правам человека (Rzecznik Praw Obywatelskich) на то, что общий срок содержания его под стражей превысил три года. Жалоба была передана председателю апелляционного суда Кракова, который 12 июля 1996 г. направил заявителю письмо, в котором в части, относящейся к настоящему делу, говорилось:

"... Вам было предъявлено обвинение в мошенничестве и подделке документов 30 апреля 1992 г. Обвинительное заключение касалось десяти обвиняемых, необходимо было допросить 98 свидетелей. Производство по делу было затянато также потому, что Вы скрывались от суда до заключения Вас под стражу в октябре 1993 года. Вы подали множество ходатайств об освобождении вас из-под стражи... Задержка, возникшая после вынесения приговора судом первой инстанции и до направления материалов дела в

апелляционный суд, была связана с объемом материалов дела и мотивировочной части приговора (соответственно 29 томов и 140 страниц)... Мотивировочная часть приговора была готова уже к 16 августа 1995 г., Вам же она была вручена только 16 сентября 1995 г., потому что судья-докладчик был в отпуске. Единственная задержка имела место в отношении Вашего ходатайства об освобождении от 30 апреля 1996 г.; оно было рассмотрено 28 мая 1996 г., так как с 1 по 5 мая 1996 г. отмечался государственный праздник...".

49. Тем временем заявитель вновь обратился в суд воеводства Кракова с ходатайством об освобождении его из-под стражи под надзор полиции либо снижении размера залога, установленного судом 28 мая 1996 г. 2 июля 1996 г. суд отклонил это ходатайство. Адвокат заявителя обжаловал Решение суда, сославшись на заключение психиатрической экспертизы от 11 июня 1996 г., в соответствии с которым заявитель подлежал освобождению, так как его жизнь была в опасности.

50. 18 июля 1996 г. апелляционный суд Кракова отклонил апелляционную жалобу, указав, что риск для жизни заявителя не был "абсолютным", так как он мог получать психиатрическую помощь в тюрьме. Суд счел, что, учитывая поведение заявителя после его освобождения в июле 1992 года, содержание его под стражей должно было продолжаться в целях обеспечения надлежащего отправления правосудия по делу, если только он не уплатит залог в размере 10000 злотых.

51. 31 июля 1996 г. заявитель снова просил суд воеводства снизить размер залога либо освободить его под надзор полиции. Он утверждал, что у него не было достаточно средств, чтобы уплатить такую большую сумму денег. 19 августа 1996 г. суд отклонил его ходатайство ввиду явной необоснованности. Суд воеводства отметил, что доводы заявителя относительно размера залога представляли собой "необоснованный спор с судебными органами", а также что залог мог быть уплачен не только им лично, но и третьими лицами.

52. Позднее заявитель просил суд воеводства освободить его из-под стражи, чтобы он мог изыскать средства для залога. 10 сентября 1996 г. суд отклонил это ходатайство, отметив, *inter alia*:

"... Логично, что [заявитель] должен быть освобожден после уплаты залога. Ходатайство подсудимого об изменении последовательности событий не соответствовало процессуальному законодательству и здравому смыслу и поэтому подлежало отклонению...".

53. Повторное рассмотрение дела должно было начаться 10 октября 1996 г., но было отложено, так как одно из лиц, проходивших в качестве подсудимых по делу заявителя, было заключено под стражу в связи с возбуждением в отношении него другого уголовного дела.

54. 29 октября 1996 г. суд воеводства Кракова отменил постановление о заключении под стражу после того, как семья заявителя внесла 10000 злотых в качестве залога.

55. Следующие два судебных заседания были назначены на 18 марта и 17 апреля 1997 г., но производство по делу опять было отложено, так как другой подсудимый был болен. В дальнейшем судебные заседания назначались на 6, 21 и 23 октября 1997 г., 15 января, 26 февраля, 19 марта, 6 и 28 апреля, 2, 22 и 24 июня, 13 июля, 23 сентября, 3 и 30 октября, 17 и 24 ноября 1998 г. 4 декабря 1998 г. суд вынес приговор. Заявитель был признан виновным в совершении вмененных ему преступлений и приговорен к лишению свободы сроком на шесть лет.

56. Он обжаловал приговор в апелляционный суд Кракова 19 апреля 1999 г. 27 октября 1999 г. апелляционный суд изменил приговор суда первой инстанции и снизил заявителю срок лишения свободы до пяти лет.

57. Впоследствии заявитель подал кассационную жалобу (kasacja). 24 февраля 2000 г. апелляционный суд Кракова, установив, что заявитель подал жалобу с соблюдением формальных требований, направил ее в Верховный суд (Sąd Najwyższy) Польши. Рассмотрение дела в Верховном суде Польши к моменту вынесения Европейским судом настоящего Постановления продолжалось.

в. Лечение заявителя во время содержания под стражей в период с 4 октября 1993 г. по 29 октября 1996 г. (информация приводится на основании истории болезни, хранившейся в арестном центре г. Кракова)

58. Заявитель содержался в арестном центре г. Кракова с 4 октября 1993 г. по 29 октября 1996 г. с небольшим перерывом: 9 марта 1994 г. он был переведен в тюремную больницу г. Вроцлава, где он находился в психиатрическом отделении до 26 мая 1994 г.

59. Из истории болезни заявителя следовало, что он был осмотрен врачом вскоре после заключения под стражу. 6 октября 1993 г. заявитель попросил, чтобы его осмотрел психиатр. Обследование было проведено 15 октября 1993 г. Заявителю поставили диагноз: reactio situatione (ситуативные реакции). До этого он осматривался психиатром три раза.

60. В ноябре 1993 года заявитель восемь раз был на осмотре у тюремных врачей. У него были отмечены: хроническая бессонница, отсутствие аппетита и, позднее, периодические головные боли, головокружения, трудности с концентрацией.

61. 10 декабря 1993 г. заявитель был осмотрен психиатром. Ему был поставлен диагноз: расстройство личности и депрессивная реакция. В течение декабря 1993 года он еще четыре раза осматривался врачами из амбулаторного отделения тюрьмы. Он жаловался на бессонницу и просил прописать ему другое лекарство. 24 декабря 1993 г. врач порекомендовал ему обследоваться у психиатра.

62. 4 января 1994 г. от заявителя поступила первая жалоба на темноту перед глазами и головные боли.

63. 26 января 1994 г. заявитель пытался покончить жизнь самоубийством, приняв слишком большую дозу лекарства. Дежурный врач записал в историю болезни:

"Пациент находится без сознания, на вербальный контакт не идет... Из рассказа [его сокамерников] следует, что накануне он принял вечернюю дозу лекарства... никто не видел, как он принимал какие-либо еще лекарства. Диагноз: intoxicatio medicamentosa acuta per os susp. [подозрение на острое отравление лекарствами через рот].

Рекомендации: обследование в больнице и срочная психиатрическая помощь".

64. Заявитель был переведен в тюремную больницу, где он оставался 27 и 28 января 1994 г. с диагнозом status post intoxicationem medicamentosam. Он прошел несколько медицинских тестов (морфология кровяных клеток, химический анализ мочи, электрокардиография).

65. 27 февраля 1994 г. заявитель был осмотрен психиатром, который поставил ему диагноз: невротическое расстройство.

66. С 26 мая 1994 г. (день его возвращения из тюремной больницы г. Вроцлава) по начало ноября 1994 года заявитель консультировался у врачей тюремной поликлиники 13 раз. Он жаловался, главным образом, на трудности в засыпании и периодические головные боли, продолжавшиеся несколько дней, а также на простуду и кожные заболевания. В сентябре 1994 года он несколько раз просил отвести его к психиатру. Он был осмотрен психиатром 9 ноября 1994 г., ему был поставлен диагноз: невротическое расстройство.

67. 5 ноября 1994 г. дежурный врач ходатайствовал об обследовании заявителя психиатром. Психиатр осмотрел заявителя 7 декабря 1994 г. и подтвердил ранее поставленный диагноз. В истории болезни указывалось, что заявитель жаловался на головокружения и проблемы со сном.

68. 2 января 1995 г. дежурный врач попросил дополнительно обследовать заявителя у психиатра. 11 и 13 января 1995 г. врач отметил, что заявитель к нему больше не обращался. 16 января 1995 г. заявителю было прописано какое-то лекарство.

69. 23 января 1995 г. заявитель попытался повеситься. В тот день врачи внесли две записи в историю болезни. Первая запись была сделана дежурным врачом и гласила:

"Примерно в 4:30 утра он на виду у всех попытался совершить самоубийство путем повешения на санитарно-техническом оборудовании на стене.

Артериальное давление 110/60... На левой ноздре небольшое количество вспененной крови. На шее были обнаружены повреждения эпидермиса, характерные для повешенных... Он не желал разговаривать...

Диагноз: публичная попытка совершить самоубийство путем повешения.

Рекомендации: психиатрическое обследование...".

Вторая запись была сделана специалистом по внутренним болезням:

"Общее состояние удовлетворительное... Может логично выражать свои мысли. Он утверждает, что это была его первая попытка самоубийства.

Диагноз: состояние после попытки самоубийства.

Рекомендации: психиатрическое обследование. Стационарное лечение в больнице не требовалось".

70.24 января 1995 г. заявитель был осмотрен психиатром, который составил следующее заключение:

"Хороший вербальный контакт, эмоции удовлетворительные... Он находился в психиатрическом отделении тюремной больницы г. Вроцлава... до июня 1994 года. Попытка самоубийства: "Я так больше не могу". Находится в состоянии сильного беспокойства. Нарушение сна, потеря аппетита, тошнота, рвота. Производство по его делу продолжалось уже три года, а приговор так и не был вынесен, ранее судимости у него не было. Он был напуган своими действиями: "Я не знаю, что на меня нашло".

Диагноз: состояние после попытки самоубийства путем повешения. Ситуативная депрессивная реакция".

71.3 февраля 1995 г. заявитель снова был осмотрен психиатром. Врач записал следующее:

"Хороший контакт. Полная ориентация, уравновешенное настроение. Психотических симптомов не наблюдается. Жалобы: "Мне нездоровилось, мне уже все надоело, я плохо сплю, я повешусь".

Диагноз: расстройство личности; аутоагрессивная реакция".

72.В марте 1995 года заявитель был осмотрен врачами шесть раз, два раза психиатрами. В справке, составленной после первого обследования, указывалось:

"Краков, 7 марта 1995 г.

Медицинская справка

Состояние здоровья заключенного

Жалобы заключенного, предыдущие заболевания и операции: в настоящее время он жалуется на трудности с концентрацией, психомоторное возбуждение, внутреннее напряжение, периодические боли в подложечной области. В истории болезни упоминаются частые попытки самоубийства, в том числе путем повешения и передозировки лекарств. Он находится под постоянным наблюдением психиатра...

Консультация у психиатра 7 марта 1995 г. Ситуативная реакция с признаками депрессии. Может участвовать в судебных заседаниях..."

После второго осмотра, проведенного 31 марта 1995 г., врач отметил:

"Хороший контакт, полная ориентация, дисфорическое настроение. Жалобы: напряжение, расстройство сна, трудности с концентрацией.

Диагноз: невротическое расстройство".

73.С начала апреля по конец декабря 1995 года заявитель по собственной просьбе либо по просьбе тюремных врачей осматривался психиатрами, по крайней мере, раз в месяц. Помимо этого, осуществлялось лечение всех его заболеваний. Что касается психического состояния заявителя, из истории болезни следовало, что он постоянно жаловался на депрессию, нарушение сна, напряжение, трудности с концентрацией, раздражимость и отсутствие каких-либо улучшений в его состоянии.



74. В период с начала января по конец августа 1996 года заявитель осматривался врачами 32 раза; при этом 12 раз у психиатров.

II. Применимое национальное законодательство и правоприменительная практика

75. В рассматриваемое время нормы, регулировавшие заключение под стражу, содержались в главе 24 Закона от 19 апреля 1969 г. - Уголовно-процессуального кодекса (Kodeks \{postepowania\} karnego) - называвшейся "Меры пресечения" (\{Srodki\} zarobiegawcze). Этот Кодекс уже не действует. Он был отменен и заменен Законом от 6 июня 1997 г. (обычно упоминаемый как "новый Уголовно-процессуальный кодекс"), который вступил в силу 1 сентября 1998 г.

76. Среди "мер пресечения" Кодекс перечислял, *inter alia*, заключение под стражу, залог и передачу под надзор полиции.

Статья 209 Уголовно-процессуального кодекса Польши устанавливала общие принципы применения мер пресечения. Эта статья гласила:

"Меры пресечения применяются для обеспечения надлежащего отправления правосудия по уголовным делам, если имеющиеся доказательства свидетельствуют о том, что обвиняемый с достаточной степенью вероятности совершил преступление".

В части 1 статьи 217 перечислены основания для применения заключения под стражу. В редакции, применявшейся до 1 января 1996 г., говорилось:

"1. Заключение под стражу применяется, если:

- 1) имеются разумные основания полагать, что лицо скроется от правосудия, особенно если у него нет постоянного места жительства [в Польше] либо его личность не может быть установлена;
- 2) имеются разумные основания полагать, что лицо может склонить свидетелей к даче ложных показаний либо воспрепятствовать надлежащему отправлению правосудия по делу каким-либо незаконным способом;
- 3) лицу предъявлено обвинение в совершении тяжкого преступления либо оно совершило рецидив преступления способом, определенным Уголовным кодексом;
- 4) лицу предъявлено обвинение в совершении преступления, которое создает серьезную опасность для общества..."

1 января 1996 г. пункты 3 и 4 части 1 статьи 217 были отменены, а остальная часть пункта была переформулирована следующим образом:

"1) имеются разумные основания полагать, что лицо скроется от правосудия, особенно если его личность не может быть установлена либо у него нет постоянного места жительства [в Польше];

2) [остался в той же редакции, что и до 1 января 1996 г.]".

Часть 2 статьи 217 гласила:

"Если лицу предъявлено обвинение в совершении тяжкого либо умышленного преступления, наказуемого лишением свободы сроком свыше восьми лет или если суд первой инстанции приговорил лицо к лишению свободы сроком свыше

трех лет, необходимость в дальнейшем содержании под стражей в целях обеспечения нормального производства по уголовному делу может быть основана на вероятности назначения сурового наказания".

Кодекс устанавливал пределы усмотрения при сохранении конкретной меры пресечения. Часть 1 статьи 213, статьи 218 и 225 Кодекса исходили из правила, что заключение под стражу являлось крайней мерой пресечения и применялось только при невозможности применения более мягких мер.

Часть 1 статьи 213 гласила:

"Мера пресечения [в том числе заключение под стражу] подлежит немедленной отмене либо изменению, если отпадут основания для ее применения или будут установлены новые обстоятельства, обосновывавшие отмену данной меры пресечения либо ее замену на более или менее суровую".

Статья 225 гласила:

"Заключение под стражу должно применяться только в случае, когда его применение обязательно; оно не должно назначаться, если достаточно применения залога, передачи под надзор полиции либо этих двух мер в совокупности".

Положения об "обязательном заключении под стражу" (например, заключение под стражу до окончания рассмотрения апелляционной жалобы на назначение наказания в виде лишения свободы на срок свыше трех лет) были отменены 1 января 1996 г. Законом от 29 июня 1995 г. о внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс и другие уголовно-правовые акты.

Наконец, статья 218 предусматривала:

"Если отсутствуют особые обстоятельства, препятствующие освобождению, заключение под стражу должно быть отменено, в частности если:

- 1) оно может представлять серьезную опасность для жизни и здоровья заключенного; либо
- 2) оно может привести к особо тяжким последствиям для заключенного и его семьи".

77. Согласно польскому законодательству "освобождение под залог" означает не освобождение при условии, что заключенный обязуется уплатить определенную сумму в суд, если он не явится на судебное заседание, а освобождение при условии, что требуемая сумма выплачивается суду либо самим заключенным, либо его поручителями до того, как он будет освобожден.

78. Статья 219 Кодекса регулировала оказание медицинской помощи заключенному во время содержания его под стражей. Она гласила:

"Если состояние здоровья заключенного требует лечения его в медицинском учреждении, он может содержаться только в подобном учреждении".

79. Статья 214 Уголовно-процессуального кодекса предусматривала, что заключенный в любое время мог подать ходатайство об освобождении:

"Обвиняемый в любое время может подать ходатайство об отмене либо изменении меры пресечения.

Такое ходатайство рассматривается прокурором либо, если обвинительное

заклучение уже передано в суд, судом, компетентным рассматривать подобные ходатайства, в течение трех дней".

80. Частью 1 статьи 371 установлен срок для подготовки мотивировочной части приговора суда первой инстанции, в которой подавалась апелляционная жалоба:

"Мотивировочная часть приговора должна быть изготовлена в течение семи дней со дня подачи апелляционной жалобы. По сложным делам, когда невозможно подготовить ее в указанный срок, председатель суда может продлить этот срок на требуемое время...".

81. Кодекс устанавливал два главных средства обжалования, называвшиеся "апелляционные меры": апелляционная жалоба, которая в соответствии со статьями 374 и следующими могла быть подана только в отношении приговоров, и предварительная апелляционная жалоба, которая в соответствии со статьями 409 и следующими могла быть подана в отношении решений, не являвшихся приговорами, а также постановлений о применении мер пресечения. В Кодексе отсутствовали (и до сих отсутствуют) специальные положения, прямо предусматривающие средства правовой защиты от бездействия судебных органов по уголовным делам.

## ПРАВО

1. Предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции

82. Заявитель утверждал, что не получал адекватной психиатрической помощи во время содержания его под стражей, начиная с 4 октября 1993 г. Его содержали в арестном центре Кракова, в котором не было психиатрического отделения, и не было предпринято никаких попыток вылечить его хроническую депрессию. По его мнению, это привело к тому, что он несколько раз пытался покончить жизнь самоубийством, и являлось бесчеловечным и унижающим достоинство обращением по смыслу статьи 3 Конвенции, которая гласит: "Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию".

83. Заявитель утверждал, что статья 219 Уголовно-процессуального кодекса Польши требовала от государственных органов хотя бы рассмотреть вопрос о том, не требовало ли его состояние здоровья помещения его в соответствующее медицинское учреждение (см. выше § 78). В действительности, им было отлично известно о его суицидальных наклонностях, которые неизбежно были усугублены экстремальными условиями лишения свободы. У них было в избытке доказательств этого, так как заявитель ранее уже освобождался из-под стражи ввиду опасности, которую представляло для его жизни содержание его под стражей.

84. С 4 октября 1993 г. по 29 октября 1996 г., то есть три года, он снова содержался под стражей. В это время он всего один раз направлялся на лечение в "медицинское учреждение", о котором говорилось в статье 219 Уголовно-процессуального кодекса Польши. В марте 1994 года суд на несколько месяцев поместил его в психиатрическое отделение тюремной

больницы г. Вроцлава. По мнению заявителя, суд сделал это потому, что состояние его здоровья существенно ухудшилось после попытки самоубийства в январе 1994 года.

85. Кроме того, заявитель утверждал, что после кратковременного лечения у специалистов он снова был переведен в арестный центр Кракова, где он не получал лечения, которое могло бы предотвратить дальнейшие попытки самоубийства, и где он содержался в сложных тюремных условиях вместе с другими преступниками. Для него это было с психологической точки зрения невыносимо, и 23 января 1995 г. он снова попытался совершить самоубийство. Он утверждал, что администрация арестного центра необоснованно и незаконно объявила эту попытку самоубийства притворством, имевшим целью привлечение внимания, и именно так они преподнесли это событие суду. Они не упомянули, что на следующий день психиатр поставил диагноз: "ситуативная депрессивная реакция".

Заявитель добавил, что, несмотря на этот диагноз, государственные органы не предприняли ничего существенного для улучшения его состояния и оказания ему адекватной психиатрической помощи. Суд, рассматривавший его дело, не только не обеспечил постоянное наблюдение за его состоянием здоровья и условиями содержания его под стражей, но и не придавал значения заключениям врачей о его состоянии. В частности, его содержали под стражей в период с 11 июня по 29 октября 1996 г., хотя 11 июня 1996 г. эксперт в области психиатрии оценил его состояние как очень тяжелое и отметил, что дальнейшее содержание его под стражей было опасным для его жизни. В целом, содержание его под стражей, несмотря на тот факт, что это было опасно для его жизни, и непредоставление ему адекватной медицинской помощи являлось обращением, нарушающим статью 3 Конвенции.

86. Власти Польши оспорили доводы заявителя, утверждая, что, если отвлечься от субъективных ощущений заявителя, то обжалуемое обращение не достигало требуемого минимального уровня жестокости и не подпадало в сферу применения статьи 3 Конвенции. Они, прежде всего, отметили, что в свете медицинских доказательств, представленных ими в Европейский суд, не было сомнений в том, что государственные органы внимательно и довольно часто следили за состоянием здоровья заявителя и оказывали ему медицинскую помощь, соответствующую его состоянию.

87. Относительно того, выполнили ли государственные органы свое обязательство по статье 219 Уголовно-процессуального кодекса Польши по помещению заявителя в "соответствующее медицинское учреждение", власти Польши подчеркнули, что из истории болезни видно, что заявителя направляли в тюремные больницы, когда это было необходимо. Помимо вышеупомянутого нахождения заявителя в тюремной больнице г. Вроцлава он находился в больнице после его второй попытки самоубийства. Таким образом, по данной жалобе со стороны государственных органов не было никаких нарушений.

88. Кроме того, власти Польши добавили, что нельзя было также утверждать, что суды не проверяли, получал ли заявитель надлежащую медицинскую помощь, и не убеждались в том, допускало ли состояние заявителя дальнейшее содержание его под стражей. Суды часто интересовались у тюремных служб о здоровье заявителя и, в случае необходимости, изучали выводы психиатрических обследований и даже вмешивались с целью улучшить положение. Например, суд немедленно отреагировал на жалобу заявителя на психиатрическое лечение в арестном центре (которую он подал 7 декабря 1994 г.) и потребовал объяснений у соответствующих тюремных служб. Кроме того, суд несколько раз назначал психиатрическую экспертизу состояния здоровья заявителя.

89. Наконец, власти Польши предложили Европейскому суду поддержать особое мнение членов Европейской комиссии, которые считали, что, хотя можно утверждать, что государственные органы должны были бы уделять больше внимания психическому состоянию заявителя, они, тем не менее, не подвергли его настолько сильным страданиям, чтобы можно было говорить о бесчеловечном или унижающем достоинство обращении.

90. Как неоднократно отмечал Европейский суд, статья 3 Конвенции закрепляет одну из основных ценностей демократического общества. Конвенция в абсолютной форме запрещает пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, независимо от обстоятельств и поведения потерпевшего (см., среди прочих источников, Постановление Большой палаты Европейского суда по делу "V. против Соединенного Королевства" (V. v. the United Kingdom), жалоба N 24888/94, § 69, ECHR 1999-IX; и Постановление Большой палаты Европейского суда по делу "Лабита против Италии" (Labita v. Italy), жалоба N 26772/95, § 119, ECHR 2000-IV).

91. Однако жестокое обращение должно достигать минимального уровня жестокости, чтобы подпадать под действие статьи 3 Конвенции. Оценка этого уровня жестокости имеет относительный характер и зависит от совокупности обстоятельств дела, таких, как: характер и контекст обращения, способ и метод его реализации, длительность обращения, его физические и психические последствия и, в некоторых случаях, пол, возраст и состояние здоровья потерпевшего (см., например, Постановление Европейского суда по делу "Ранинен против Финляндии" (Raninen v. Finland) от 16 декабря 1997 г., Reports of Judgments and Decisions 1997-VIII, pp. 2821 - 2822, § 55).

92. Европейский суд обычно признает обращение "бесчеловечным", если оно, *inter alia*, было преднамеренным, длилось несколько часов подряд и в его результате были причинены либо телесные повреждения, либо сильные физические или душевные страдания. Обращение признается "унижающим достоинство", если оно заставляло потерпевшего испытывать страх, беспокойство и чувство неполноценности, способные унижить или оскорбить его. Вместе с тем Европейский суд последовательно подчеркивал, что страдания и унижение, причиненные потерпевшему, в любом случае должны



превосходить страдания и унижение, неизбежно присутствующие при любом законном обращении или наказании (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского суда по делу "Тайгер против Соединенного Королевства" (*Tyger v. the United Kingdom*) от 25 апреля 1978 г., Series A, N 26, p. 15, § 30; Постановление Европейского суда по делу "Серинг против Соединенного Королевства" (*Soering v. the United Kingdom*) от 7 июля 1989 г., Series A, N 161, p. 39, § 100; и упоминавшееся выше Постановление Большой палаты Европейского суда по делу "V. против Соединенного Королевства", § 71).

93. Лишение свободы человека обычно сопровождается такими страданиями и унижением. Но нельзя сказать, что само по себе содержание под стражей поднимает вопрос о нарушении статьи 3 Конвенции. Также нельзя толковать статью 3 Конвенции как закрепляющую общее обязательство освобождать заключенного по состоянию здоровья либо помещать его в общественную больницу для получения конкретного вида медицинской помощи.

94. Тем не менее, согласно статье 3 Конвенции государство должно обеспечить содержание лица под стражей в таких условиях, в которых бы уважалось его достоинство, наказание исполнялось такими способами и методами, при которых оно не терпит душевных страданий и лишений, превышающих неизбежный уровень страданий, присущий содержанию под стражей, а также должным образом заботиться о его здоровье и благополучии с учетом практических требований лишения свободы, в том числе путем оказания ему необходимой медицинской помощи (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского суда по делу "Аэртс против Бельгии" (*Aerts v. Belgium*) от 30 июля 1998 г., Reports 1998-V, p. 1966, § 64 et seq.).

95. Прежде всего, Европейский суд отметил, что в настоящем деле стороны не оспаривали, что, как до, так и во время содержания под стражей с 4 октября 1993 г. по 29 октября 1996 г. заявитель страдал от хронической депрессии и что он дважды пытался покончить жизнь самоубийством. Его состояние описывали как расстройство личности или невротическое расстройство и ситуативную депрессивную реакцию (см. выше § 58 - 67 и 69 - 72).

96. Далее Европейский суд отметил, что медицинские доказательства, которые власти Польши представили в Европейский суд (но не в Европейскую комиссию), свидетельствовали о том, что во время содержания под стражей заявитель регулярно просил и получал медицинскую помощь. Его осматривали врачи разных специальностей, он часто получал психиатрическую помощь (см. выше § 59 - 74). С начала октября по конец декабря 1993 года он несколько раз осматривался психиатрами в арестном центре (см. выше § 59 - 61). В конце 1993 года суд, рассматривавший его дело, получил заключение психиатра, подтверждавшее, что состояние здоровья заявителя допускало содержание его под стражей (см. выше § 21).

Вскоре после попытки самоубийства в 1994 году, которая, как следовало из доказательств, представленных в Европейский суд, не была связана с какими-либо нарушениями со стороны властей, заявитель получал профессиональную



помощь в психиатрическом отделении тюремной больницы г. Вроцлава с 9 марта по 26 мая 1994 г. (см. выше § 58). Позднее, после лечения в тюремной больнице г. Вроцлава, он прошел еще два обследования, 9 ноября и 7 декабря 1994 г. (см. выше § 66 - 67).

97. Но эти меры не предотвратили вторую попытку покончить жизнь самоубийством в январе 1995 года (см. выше § 69). Тем не менее, Европейский суд, не считая необходимым выяснять, преследовала ли эта попытка самоубийства, как утверждали власти Польши, цель привлечения внимания либо являлась выражением страданий, причиненных расстройством заявителя, в представленных материалах не обнаружил ничего, свидетельствующего об ответственности властей за происшедшее.

98. Также Европейский суд не усмотрел в действиях властей никаких нарушений в отношении осуществления психиатрического наблюдения за заявителем. Наоборот, Европейский суд признал, что с начала 1995 года до его освобождения 29 октября 1996 г. заявитель осматривался психиатром, по крайней мере, один раз в месяц. Только в 1996 году, то есть перед освобождением, он прошел 12 обследований у психиатров (см. выше § 70 - 74).

99. Европейский суд допускал, что природа психологического состояния заявителя делала его более уязвимым по сравнению с обычными заключенными, а также что содержание его под стражей могло в определенной степени усилить его страдания, беспокойство, страх. Европейский суд также учел тот факт, что с 11 июня по 29 октября 1996 г. заявитель содержался под стражей, несмотря на мнение психиатров о том, что дальнейшее содержание его под стражей представляло опасность для его жизни из-за вероятности совершения самоубийства (см. выше § 46 - 50). Однако, опираясь на представленные доказательства и оценивая обстоятельства дела в совокупности, Европейский суд не счел установленным, что заявитель подвергался жестокому обращению, достигавшему достаточного уровня жестокости, чтобы подпадать в сферу применения статьи 3 Конвенции.

100. Соответственно, статья 3 Конвенции не была нарушена в настоящем деле.

II. Предполагаемое нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции

101. Заявитель, ссылаясь на пункт 3 статьи 5 Конвенции, жаловался также, что срок содержания его под стражей был слишком большим. Пункт 3 статьи 5 Конвенции гласит:

"Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом "с" пункта 1 настоящей статьи... имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд".

A. Период, подлежащий рассмотрению

102. В рассматриваемом деле заявитель дважды заключался под стражу. В первый раз он содержался под стражей с 8 августа 1991 г. по 27 июля 1992 г., то есть почти год. Затем он был задержан 4 октября 1993 г. и содержался под

стражей до освобождения под залог 29 октября 1996 г., то есть три года (см. выше § 10, 18 - 20 и 54).

103. Но Декларация Польши о признании права на подачу индивидуальной жалобы в целях бывшей статьи 25 Конвенции вступила в силу 1 мая 1993 г., поэтому период содержания заявителя под стражей ранее этой даты не подпадает под юрисдикцию Европейского суда *ratione temporis*.

104. Кроме того, Европейский суд напомнил, что ввиду существенной связи между пунктом 3 и подпунктом "с" пункта 1 статьи 5 Конвенции лицо, осужденное судом первой инстанции, не может рассматриваться заключенным, "чтобы предстать перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения", как указано в подпункте "с" пункта 1 данной статьи, а находится в положении, предусмотренном подпунктом "а" пункта 1 статьи 5 Конвенции, которая позволяет лишение свободы "лица, осужденного компетентным судом" (см., например, Постановление Европейского суда по делу "В. против Австрии" (*B. v. Austria*) от 28 марта 1990 г., Series A, N 175, pp. 14 - 16, § 36 - 39). Соответственно, содержание заявителя под стражей с 1 июня 1995 г., дня вынесения первоначального приговора судом первой инстанции, до 22 февраля 1996 г., дня отмены этого приговора и возвращения дела на новое рассмотрение, не должно учитываться для целей пункта 3 статьи 5 Конвенции.

105. Следовательно, Европейский суд признал, что период, подлежащий рассмотрению, состоял из двух временных отрезков: с 4 октября 1993 г. по 1 июня 1995 г. и с 22 февраля по 29 октября 1996 г. - и составлял два года, четыре месяца и три дня.

в. Разумность срока содержания под стражей

106. Заявитель утверждал, что национальные государственные органы не указали достаточных оснований для содержания его под стражей. Прежде всего, отсутствовали основания содержания его под стражей с 4 октября 1993 г., так как он предоставил медицинское заключение, подтверждавшее, что он находился в отпуске по болезни, и тем самым оправдал свое отсутствие на судебных заседаниях в феврале и марте 1993 года. Кроме того, с самого начала было очевидно, что его явка в суд могла быть обеспечена применением иных мер пресечения, нежели заключение под стражу, например, залогом либо передачей под надзор полиции.

107. В любом случае, по его мнению, предварительное заключение в течение двух лет и четырех месяцев не могло считаться "разумным". На самом деле в рамках производства по его уголовному делу он провел под стражей не два года и четыре месяца, которые подпадали под юрисдикцию Европейского суда *ratione temporis*, а четыре года и 13 дней.

108. Власти Польши возразили, что главной причиной повторного заключения заявителя под стражу 4 октября 1993 г. была не неявка его в суд в феврале и марте 1993 года, а несоблюдение адвокатом заявителя срока, установленного

для представления заключения судебно-медицинской экспертизы состояния здоровья заявителя.

109.Власти Польши утверждали, что заключение заявителя под стражу было результатом его собственного поведения. Оно было применено ввиду опасности того, что заявитель скроется от суда, так как он уже скрылся после освобождения его в июле 1992 года. Впоследствии суд, рассматривавший дело заявителя, счел возможным освобождение его под залог. Чтобы уменьшить риск того, что заявитель скроется от суда, залог был установлен в размере 10000 злотых, которые являлись суммой, соответствующей вреду, причиненному совершенными преступлениями, но признанной заявителем чрезмерной, вследствие чего он не выплачивал залог в течение нескольких месяцев. Поэтому освобождение заявителя было затянато его поздней выплатой требуемой суммы залога и являлось его виной. Власти Польши считали, что государственные органы проявили должное усердие при рассмотрении дела заявителя; отсутствовали периоды бездействия, вызванные их поведением. Ввиду этого власти Польши предложили Европейскому суду признать, что срок содержания заявителя под стражей не превысил "разумный срок" по смыслу пункта 3 статьи 5 Конвенции.

110.Европейский суд напомнил, что вопрос о том, был ли срок содержания под стражей разумным, не может оцениваться абстрактно. Разумность срока содержания под стражей должна оцениваться в каждом случае в зависимости от особенностей дела. Продление срока содержания под стражей может быть обоснованным только тогда, когда имеются особые указания на реальное требование общественного интереса, которое, несмотря на презумпцию невиновности, оправдывает отступление от принципа уважения индивидуальной свободы, закрепленного в статье 5 Конвенции (см., среди прочих источников, упоминавшееся выше Постановление Большой палаты Европейского суда по делу "Лабита против Италии", § 152 et seq.).

В каждом конкретном случае на национальных органах лежит обязанность обеспечивать, чтобы предварительное заключение обвиняемого не превысило разумный срок. Для этого они должны, должным образом учитывая принцип презумпции невиновности, рассмотреть все факты, свидетельствующие в пользу либо против существования вышеупомянутого требования общественного интереса, оправдывающего отступление от статьи 5 Конвенции, а также изложить эти факты в решениях, принятых по ходатайствам об освобождении. Европейский суд должен принимать решение о том, имело ли место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции, главным образом, на основе мотивов, указанных в этих решениях, и задокументированных фактов, приведенных заявителем в своих апелляциях (см. Постановление Европейского суда по делу "Мюллер против Франции" (Muller v. France) от 17 марта 1997 г., Reports 1997-II, p. 388, § 35).

111.Сохранение разумного подозрения задержанного лица в совершении преступления является условием *sine qua non* законности продления срока

содержания под стражей, но по истечении определенного времени одного этого условия уже не достаточно. В таких случаях Европейский суд должен установить, продолжали ли другие основания, приведенные судебными органами, оправдывать лишение свободы. Если такие основания были "существенными" и "достаточными", Европейский суд должен выяснить, проявили ли компетентные национальные органы "особое усердие" при производстве по делу (там же).

112. Европейский суд отметил, что в настоящем деле стороны, как представляется, не оспаривали, что главной причиной того, почему государственные органы объявили заявителя в розыск и снова заключили его под стражу, было несоблюдение им срока, установленного для подачи медицинской справки, и неуказание адреса, на который ему присылать повестки в течение прохождения им курса лечения в г. Свиноуйсце (см. выше § 19). На этих двух фактах основывали суд воеводства Кракова и апелляционный суд Кракова свое Решение о том, что существовала опасность того, что заявитель скроется от суда, оправдывая содержание его под стражей в интересах надлежащего отправления правосудия по делу. Суды повторяли это мнение почти во всех решениях об отклонении многочисленных ходатайств об освобождении, которые он подавал после задержания его 4 октября 1993 г. (см. выше § 29 - 34).

113. Кроме того, опасность того, что заявитель скроется от суда, была главным фактором, учитывавшимся судом воеводства при решении вопроса о размере залога (см. выше § 44 - 47). Существование такой опасности оправдывало содержание заявителя под стражей до вынесения приговора в интересах безопасности (см. выше § 49 - 54) и, помимо разумного подозрения заявителя в совершении мошенничества и подделки документов, являлось главным основанием содержания заявителя под стражей в этот период.

114. Европейский суд согласился, что это основание в дополнение к подозрению заявителя в совершении вышеуказанных преступлений изначально оправдывало в полной мере заключение его под стражу. Но с течением времени это основание неизбежно теряло свою значимость, и, учитывая, что до повторного заключения под стражу 4 октября 1993 г. заявитель уже провел почти год под стражей (см. выше § 10 - 18 и 102 - 103), только очень веские основания могли бы убедить Европейский суд в том, что содержание заявителя под стражей в течение двух лет и четырех месяцев было обоснованным, как того требует пункт 3 статьи 5 Конвенции.

115. В настоящем деле Европейский суд не установил таких оснований, тем более что суды, несмотря на постоянную ссылку на вышеуказанные примеры несоблюдения заявителем судебных постановлений, не упомянули больше ни одного обстоятельства, подтверждавшего, что указанная опасность реально существовала в течение всего периода содержания под стражей.

117. Поэтому имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции.

iii. Предполагаемое нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции

118. Заявитель также утверждал, что не было соблюдено его право на судебное разбирательство в "разумный срок" и, соответственно, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции, который в части, применимой к настоящему делу, гласит:

"Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на... разбирательство дела в разумный срок... судом...".

А. Период, подлежащий рассмотрению

119. Стороны не оспаривали дату начала производства по делу заявителя; по общему согласию это было 8 августа 1991 г., когда заявителю было предъявлено обвинение. Но стороны разошлись во мнениях по вопросу о том, могло ли считаться, что рассмотрение дела все еще продолжалось, для целей пункта 1 статьи 6 Конвенции.

120. Заявитель утверждал, что "предъявленное ему обвинение" еще не было рассмотрено, так как в Верховном суде Польши продолжалось производство по его кассационной жалобе.

121. Власти Польши утверждали, что судебное разбирательство закончилось 27 октября 1999 г., когда апелляционный суд Кракова вынес окончательный приговор, и не имело значения, подал ли заявитель кассационную жалобу в Верховный суд Польши или нет, так как это средство обжалования вследствие своей исключительности может использоваться только в отношении вступивших в силу приговоров.

122. Европейский суд напомнил, что пункт 1 статьи 6 Конвенции не обязывает государства создавать кассационные суды. Тем не менее, государство, которое их создает, должно обеспечивать, чтобы лица, ответственные перед законом, могли пользоваться в этих судах основополагающими гарантиями, закрепленными в статье 6 Конвенции (см., среди прочих источников, Постановление Европейского суда по делу "Делькур против Бельгии" (*Delcourt v. Belgium*) от 17 января 1970 г., Series A, N 11 pp. 13 - 15, § 25; Постановление Европейского суда по делу "Бруалья Гомес де ла Торре против Испании" (*Brualla {Gomez} de la Torre v. Spain*) от 19 декабря 1997 г., Reports 1997-VIII, p. 2956, § 37).

Хотя порядок применения статьи 6 Конвенции к апелляционным или кассационным судам зависит от особенностей рассматриваемого процесса, несомненно, производство в апелляционных и кассационных судах подпадает в сферу применения статьи 6 Конвенции (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского суда по делу "Твалиб против Греции" (*Twalib v. Greece*) от 9 июня 1998 г., Reports 1998-IV, pp. 1427 - 1428, § 46). Соответственно, продолжительность рассмотрения дела в этих судах должна учитываться при рассмотрении вопроса о том, был ли разумным общий срок производства по делу.

123. Следовательно, при отсутствии доказательств того, что Верховный суд Польши вынес какое-либо решение по делу заявителя, Европейский суд признал, что уголовное преследование заявителя продолжалось к настоящему



времени более девяти лет. Однако, учитывая юрисдикцию Европейского суда *ratione temporis* (см. выше § 103), Европейский суд мог рассматривать только период с 1 мая 1993 г., составлявший семь лет и около пяти месяцев, хотя он будет принимать во внимание и то, на какой стадии находилось производство по делу к этому времени (см., например, Постановление Большой палаты Европейского суда по делу "Гумен против Польши" (*Humen v. Poland*) от 15 октября 1999 г., жалоба N 26614/95, § 58 - 59).

в.Разумность рассматриваемого срока производства по делу

124.Европейский суд оценивает разумность срока производства по делу в свете конкретных обстоятельств дела и с учетом установленных в его прецедентной практике критериев, в частности, сложности дела и поведения заявителя и компетентных органов (см., среди прочих источников, Постановление Европейского суда по делу "Филис против Греции (N 2)" (*Philis v. Greece (No. 2)*) от 27 июня 1997 г., Reports 1997-IV, p. 1083, § 35; Постановление Европейского суда по делу "Портингтон против Греции" (*Portington v. Greece*) от 23 сентября 1998 г., Reports 1998-VI, p. 2630, § 21).

125.Заявитель утверждал, что суды сами усложнили его дело, плохо организовав его рассмотрение. Во-первых, вместе с заявителем по делу проходило еще девять подсудимых, хотя предъявленные им и ему обвинения не были связаны друг с другом. Результатом этого явилось то, что суд вынужден был допросить 98 свидетелей; но к делу заявителя относились показания лишь семи из них. Во-вторых, в первый раз суд рассмотрел дело в неправильном составе, вследствие чего приговор был отменен, а дело возвращено на новое рассмотрение. В-третьих, суд поздно выделил его дело в отдельное производство и, в конечном счете, рассматривал дело отдельно после отмены первого приговора суда первой инстанции. Если бы суд сделал это в самом начале, то рассмотрение его дела завершилось бы быстрее.

126.Далее заявитель утверждал, что главной причиной столь длительного судебного разбирательства была неэффективность рассмотрения государственными органами его дела. Кроме того, в течение 19 месяцев, с февраля 1996 года по сентябрь 1997 года, суд воеводства не проявлял необходимого усердия при рассмотрении его дела. Поэтому суды несли полную ответственность за столь долгий срок судебного разбирательства.

127.Власти Польши не согласились с доводами заявителя и утверждали, что дело было сложным ввиду объема доказательств, количества пунктов обвинения, предъявленного заявителю и остальным подсудимым, и большого числа свидетелей.

128.По их мнению, заявитель существенно способствовал удлинению производства по делу. Он не являлся на ряд судебных заседаний. Он скрылся от суда, из-за чего дело было приостановлено с марта по октябрь 1993 года. Психиатрические обследования заявителя и необходимость в направлении его в больницы также вели к задержкам. В целом, столь долгий срок производства по делу был вызван, главным образом, его поведением.



129.Что касается действий компетентных органов, то, по мнению властей Польши, не было признаков бездействия с их стороны. Наоборот, суды проявили необходимое усердие при рассмотрении дела, и хотя с их стороны также имели место определенные (в принципе, незначительные) задержки, тем не менее, требование о "разумном сроке" в деле заявителя было соблюдено.

130.Европейский суд счел, что, хотя дело представляло определенную сложность, нельзя было сказать, что она оправдывала весь срок производства по делу.

Действительно, в феврале и марте 1993 года заявитель не являлся в суд, в результате чего судебное разбирательство было приостановлено до октября 1993 года (см. выше § 19 - 21). Но Европейскому суду не было представлено доказательств, подтверждавших, что в дальнейшем заявитель затягивал либо каким-либо иным способом нарушал нормальное производство по делу. Ввиду этого Европейский суд счел, что его поведение незначительно способствовало увеличению срока судебного разбирательства.

Власти Польши утверждали, что суды, хотя они и были ответственны за некоторые задержки, в целом рассмотрели дело в разумный срок. Однако Европейский суд отметил, что обязанность отправлять правосудие в кратчайшие сроки лежала в первую очередь на судах, тем более что большую часть процесса заявитель находился под стражей и страдал от глубокой депрессии. Эта обязанность требовала от них особого усердия при рассмотрении дела заявителя.

В связи с этим Европейский суд отметил, что после того как 22 февраля 1996 г. был отменен первый приговор суда первой инстанции по делу заявителя, на 10 октября 1996 г. было назначено новое рассмотрение дела, но оно началось лишь 18 марта 1997 г., то есть по прошествии более года. После этого производство по делу было приостановлено до октября 1997 года (см. выше § 42, 53 - 55). По общему признанию, отложение дела было связано, по крайней мере отчасти, с поведением остальных подсудимых, проходивших по делу заявителя (см. выше § 53 - 55). Тем не менее, отсутствие движения по делу привело к общей задержке сроком почти в один год и восемь месяцев, которая, по мнению Европейского суда, не имела достаточных оправданий и не соответствовала требуемому пунктом 1 статьи 6 Конвенции усердию.

131.Соответственно, Европейский суд не мог признать разумным срок рассмотрения настоящего дела.

Таким образом, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

iv.Предполагаемое нарушение статьи 13 Конвенции

132.Наконец, заявитель утверждал, что в его распоряжении не было эффективных средств правовой защиты, позволявших ему обжаловать в национальные органы чрезмерную длительность судебного разбирательства. По его мнению, имело место нарушение статьи 13 Конвенции, которая гласит: "Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном

органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве".

133. В настоящем деле Европейский суд призван определить объем обязательства Договаривающихся государств предоставлять каждому "эффективное средство правовой защиты в государственном органе", если Конвенционное право, на которое ссылается заявитель, является правом на "судебное разбирательство в разумный срок", гарантированным пунктом 1 статьи 6 Конвенции. Заявитель утверждал, что статья 13 Конвенции должна толковаться как требование предоставления подобного "эффективного средства правовой защиты"; власти Польши оспорили этот довод. Европейская комиссия не сочла необходимым рассматривать этот вопрос.

А. Доводы сторон

1. Заявитель

134. Заявитель как в своем меморандуме, так и в ходе слушаний, ссылался, главным образом, на особое мнение членов Европейской комиссии, считавших, что не только было необходимо рассматривать жалобу о нарушении статьи 13 Конвенции, но и что имело место нарушение этого положения. Кроме того, он ссылался на Доклад Европейской комиссии по делу "Микульски против Польши" (Mikulski v. Poland) (см. Доклад Европейской комиссии от 10 сентября 1999 г., жалоба N 27914/95), в котором она, признав, что пункт 1 статьи 6 Конвенции не был нарушен вследствие продолжительности производства по уголовному делу заявителя, тем не менее, признала, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции вследствие отсутствия средств правовой защиты, с помощью которых он мог бы подать жалобу на длительность производства по его делу в компетентный национальный орган.

135. Заявитель согласился с мнением Европейской комиссии по делу "Микульски против Польши", согласно которому, даже если в некоторых случаях пункт 1 статьи 6 Конвенции может считаться специальной нормой по отношению к статье 13 Конвенции (например, когда лицо жалуется на то, что не было соблюдено его право на обращение в суд), это не касается жалобы на нарушение права на судебное разбирательство в разумный срок. В таких случаях, как правило, должна применяться статья 13 Конвенции, независимо от того, было ли установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

136. Он также подчеркнул, что право лица на эффективное средство правовой защиты, гарантированное статьей 13 Конвенции, зависело не от того, было ли установлено нарушение его конвенционных прав, а от того, подал ли он жалобу на нарушение его прав.

137. По мнению заявителя, польское законодательство не предоставляло средств правовой защиты, с помощью которых он мог бы эффективно оспорить срок производства по его уголовному делу и реализовать свое право на "судебное разбирательство в разумный срок". Следовательно, его право на "эффективное средство правовой защиты в государственном органе" по смыслу статьи 13 Конвенции не было соблюдено.

## 2.Власти Польши

138.Власти Польши не согласились с заявителем по всем пунктам его утверждений. В своем меморандуме они согласились с мнением большинства членов Европейской комиссии и утверждали, что не было необходимости отдельно рассматривать вопрос о том, имело ли в настоящем деле место нарушение статьи 13 Конвенции вследствие предполагаемого отсутствия "эффективного внутригосударственного средства правовой защиты" в отношении чрезмерной длительности судебного разбирательства по его делу.

139.На слушаниях власти Польши добавили, что подход, выбранный Европейской комиссией в деле "Микульски против Польши", не соответствовал прецедентной практике Европейского суда относительно связи пункта 1 статьи 6 и статьи 13 Конвенции, а также что мнение Европейской комиссии по тому делу абсолютно не подтверждалось *ratio legis* статьи 13 Конвенции. В связи с этим они подчеркнули, что Европейский суд вынес немало постановлений (они сослались, в частности, на Постановление Европейского суда по делу "Кадубец против Словакии" (*Kadubec v. Slovakia*) от 2 сентября 1998 г., Reports 1998-VI; и упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "Бруалья Гомес де ла Торре против Испании"), в которых он последовательно признавал, либо что "требования статьи 13 Конвенции мягче, чем статьи 6 Конвенции, и в данном случае поглощаются ею", либо что "пункт 1 статьи 6 Конвенции является специальной нормой по отношению к статье 13 Конвенции, а требования статьи 13 Конвенции поглощаются пунктом 1 статьи 6 Конвенции". Следовало отметить, что Европейский суд применил такой же подход *lex specialis* и к пункту 4 статьи 5 Конвенции, который, как и пункт 1 статьи 6 Конвенции, гарантирует право чисто процессуального характера.

140.Власти Польши ссылались также на дело "Пиццетти против Италии" (*Pizzetti v. Italy*) (см. Постановление Европейского суда от 26 февраля 1993 г., Series A, N 257-C), дело "Джузеппе Триподи против Италии" (*Giuseppe Tripodi v. Italy*) (см. Постановление Европейского суда от 25 января 2000 г., жалоба N 40946/98) и дело "Буйи против Франции" (*Bouilly v. France*) (см. Постановление Европейского суда от 7 декабря 1999 г., жалоба N 38952/97), утверждая, что Европейский суд, установив нарушение права на "судебное разбирательство в разумный срок", всегда признавал, что не было необходимости рассматривать жалобу на отсутствие средств правовой защиты в отношении срока разбирательства в соответствии со статьей 13 Конвенции. Власти Польши подчеркнули, что сама Европейская комиссия процитировала эти слова в настоящем деле, сославшись на дело "Пиццетти против Италии". К тому же Европейская комиссия, рассматривая дело "Микульски против Польши", признала Постановление Европейского суда по делу "Пиццетти против Италии" не относящимся к рассматриваемому делу, так как она не установила нарушения права на судебное разбирательство в разумный срок, но сочла, что заявитель все же имел "доказуемую жалобу" на то, что его право было нарушено, и поэтому применялись более мягкие гарантии статьи 13 Конвенции.

141.Власти Польши утверждали, что такой вывод не соответствовал собственному подходу Европейской комиссии по делу "Пиццетти против Италии", в котором она признала, что статья 13 Конвенции неприменима в случаях, когда предполагаемое нарушение Конвенции имело место в контексте судебного разбирательства (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "Пиццетти против Италии", мнение Европейской комиссии, pp. 41 - 42).

142.Власти Польши отметили, что они не усмотрели убедительных причин пересматривать существующую, ясную и последовательную прецедентную практику Европейского суда относительно связи пункта 1 статьи 6 и статьи 13 Конвенции. В частности, они подвергли критике выдвинутый в деле "Микульски против Польши" довод Европейской комиссии о том, что, учитывая огромное количество жалоб на чрезмерную длительность судебных разбирательств, применимость статьи 13 Конвенции к праву на судебное разбирательство в разумный срок может иметь огромное практическое значение, реализуя на национальном уровне одну из фундаментальных процессуальных гарантий, содержащихся в статье 6 Конвенции. Напротив, по их мнению, создание отдельного, нового средства правовой защиты (что означало бы в любых практических целях введение дополнительного права на обжалование) могло только увеличить срок рассмотрения дел в национальных судах.

143.В связи с этим власти Польши отметили, что, если бы в судебной системе государства накопилось много нерассмотренных дел, было бы неразумно исправлять сложившееся положение требованием от государства создать новое судебное или иное средство обжалования задержек при рассмотрении дела. Срок рассмотрения дел должен рассматриваться как сбой в структуре, для противодействия которому необходимо принятие более всесторонних мер.

144.Власти Польши добавили также, что буквальное толкование *ad absurdum* ведет к выводу о том, что также должно существовать "эффективное средство правовой защиты в государственном органе" для лиц, которые жалуются на нарушение статьи 13 Конвенции. По этим основаниям власти Польши считали, что пункт 1 статьи 6 Конвенции являлся специальной нормой по отношению к статье 13 Конвенции и, следовательно, последняя не применялась к делам, в которых жалоба заявителя на длительность судебного разбирательства была рассмотрена на предмет нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции.

145.Наконец, власти Польши утверждали, что, если бы Европейский суд счел необходимым рассматривать жалобу на нарушение статьи 13 Конвенции, то нарушение данной нормы в настоящем деле все равно не имело места. Они признали, что в Польше не было отдельного, специального средства правовой защиты, с помощью которого можно было бы обжаловать задержки в судебном разбирательстве. Однако, на их взгляд, заявитель в ходе рассмотрения его дела мог поднять вопрос о сроке судебного разбирательства в апелляционных жалобах на постановления о продлении срока содержания его под стражей либо в ходатайствах об освобождении его из-под стражи, которые он подавал в

соответствии со статьей 214 Уголовно-процессуального кодекса Польши (см. выше § 79). Заявитель также мог подать жалобу председателю суда, рассматривавшего его дело, либо Министру юстиции Польши. Это позволило бы указанным органам взять дело под свой административный контроль. Административный контроль, в принципе, допускал применение дисциплинарных санкций к судье, который не рассматривает эффективно и в кратчайшие сроки дело.

Хотя эти средства правовой защиты непосредственно не предоставляли заявителю компенсацию, в совокупности они удовлетворяли требованиям статьи 13 Конвенции.

в. Мнение Европейского суда

1. Необходимо ли рассматривать жалобу на нарушение статьи 13 Конвенции 146. Во многих делах, в которых Европейский суд ранее устанавливал нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции, он не считал необходимым также рассматривать жалобу на нарушение статьи 13 Конвенции. Чаще всего это происходило потому, что в тех случаях пункт 1 статьи 6 Конвенции рассматривался как специальная норма по отношению к статье 13 Конвенции. Таким образом, если лицо жалуется на нарушение "гражданского права", признанного национальным законодательством (например, права собственности), ему предоставляется также и защита, осуществляемая пунктом 1 статьи 6 Конвенции (см., например, Постановление Европейского суда по делу "Спорронг и Леннрот против Швеции" (*Sporrong and Lönnroth v. Sweden*) от 23 сентября 1982 г., Series A, N 52, pp. 31 - 32, § 88). В таком случае гарантии, закрепленные в пункте 1 статьи 6 Конвенции, предполагая полное официальное облачение судебного процесса, строже гарантий, содержащихся в статье 13 Конвенции, и поглощают их (см., например, упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "Бруалья Гомес де ла Торре против Испании", p. 2957, § 41).

Европейский суд прибегал к аналогичной логике в делах, когда заявитель жаловался на адекватность существующих апелляционной и кассационной процедур, подпадающих в сферу применения как пункта 1 статьи 6 Конвенции в его "уголовно-правовой части", так и статьи 13 Конвенции (см. Постановление Европейского суда по делу "Камазински против Австрии" (*Kamasinski v. Austria*) от 19 декабря 1989 г., Series A, N 168, pp. 45 - 46, § 110; дело касалось процедуры аннулирования в Верховном суде Австрии).

В таких случаях с юридической точки зрения нет смысла еще раз рассматривать один и тот же предмет жалобы на предмет нарушения менее строгих требований статьи 13 Конвенции.

147. Но такое пересечение и, соответственно, поглощение отсутствует в случаях, когда, как в настоящем деле, предполагаемое нарушение Конвенции, которое лицо хотело бы обжаловать в "государственном органе", является нарушением права на судебное разбирательство в разумный срок, гарантированного пунктом 1 статьи 6 Конвенции. Вопрос о том, воспользовался ли заявитель



своим правом на судебное разбирательство в разумный срок его дела в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения, не совпадает с вопросом о том, располагал ли заявитель эффективными внутригосударственными средствами правовой защиты для рассмотрения его жалобы. В настоящем деле указанные в пункте 1 статьи 6 Конвенции "суды" должны были рассмотреть предъявленные заявителю обвинения, в то время как заявитель хотел, чтобы "национальные органы", указанные в статье 13 Конвенции, рассмотрели его жалобу на неразумность срока производства по его делу.

В аналогичных делах ранее Европейский суд, тем не менее, отказывался выносить решение по смежной жалобе на отсутствие эффективного средства правовой защиты, гарантированного статьей 13 Конвенции, не считая это необходимым ввиду уже сделанного им вывода о нарушении требования о "разумном сроке", закрепленного в пункте 1 статьи 6 Конвенции (см., среди прочих источников, упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "Пиццетти против Италии", р. 37, § 21; упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "Буйи против Франции", § 27; упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "Джузеппе Триподи против Италии", § 15).

148. По мнению Европейского суда, пришло время пересмотреть прецедентную практику в свете поступления на его рассмотрение все большего количества жалоб, в которых заявители жалуются исключительно либо в основном на несоблюдение их права на судебное разбирательство в разумный срок, гарантированного пунктом 1 статьи 6 Конвенции.

Все более частое установление нарушений этого положения в последнее время заставило Европейский суд обратить внимание на "существенную опасность" для принципа верховенства права, складывающуюся в национальных правовых системах, когда "при отправлении правосудия имеют место чрезмерные задержки", "в отношении которых стороны не имеют внутригосударственных средств правовой защиты" (см., например, Постановление Большой палаты Европейского суда по делу "Боттацци против Италии" (*Bottazzi v. Italy*), жалоба N 34884/97, § 22, ECHR 1999-V; Постановление Большой палаты Европейского суда по делу "Ди Мауро против Италии" (*Di Mauro v. Italy*), жалоба N 34256/96, § 23, ECHR 1999-V; Постановление Большой палаты Европейского суда по делу "А.Р. против Италии" (*A.P. v. Italy*) от 28 июля 1999 г., жалоба N 35265/97, § 18; Постановление Большой палаты Европейского суда по делу "Феррари против Италии" (*Ferrari v. Italy*) от 28 июля 1999 г., жалоба N 33440/96, § 21).

149. Принимая во внимание все вышесказанное, Европейский суд осознавал необходимость отдельно рассмотреть жалобу заявителя на предмет нарушения статьи 13 Конвенции, несмотря на ранее установленное нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции вследствие несоблюдения разумного срока судебного разбирательства по его делу.



2. Применимость статьи 13 Конвенции к жалобам на предполагаемое нарушение права на судебное разбирательство в разумный срок

150. Власти Польши утверждали, что статья 13 Конвенции неприменима в случаях, когда жалоба заявителя на срок производства по его делу в национальных органах уже была рассмотрена на предмет нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции. Они также сослались на мнение Европейской комиссии по делу "Пиццетти против Италии", согласно которому статья 13 Конвенции неприменима, если предполагаемое нарушение имело место в контексте судебного разбирательства (см. выше § 139 - 144).

151. Европейский суд при анализе статьи 13 Конвенции не выявил никаких указаний на то, что она неприменима к различным аспектам "права на судебное разбирательство", закрепленного в пункте 1 статьи 6 Конвенции. Также никаких предположений о подобном ограничении сферы применения статьи 13 Конвенции не имелось в истории ее разработки.

Общепризнанно, что предоставляемая статьей 13 Конвенции защита не является абсолютной. Контекст, в котором совершается предполагаемое нарушение (либо группа нарушений), может ограничивать круг потенциальных средств правовой защиты. При данных обстоятельствах статья 13 Конвенции не считается неприменимой, а содержащееся в ней требование о наличии "эффективного средства правовой защиты" должно толковаться в том смысле, что государство-ответчик должно создавать такие "средства правовой защиты", которые являются настолько эффективными, насколько это возможно с учетом ограничений, имеющих место при обращении к этим средствам в [конкретном контексте]" (см. Постановление Европейского суда по делу "Класс и другие против Германии" (*Klass and Others v. Germany*) от 6 сентября 1978 г., Series A, N 28, p. 31, § 69). Кроме того, "Статья 13 Конвенции не сформулирована настолько широко, чтобы гарантировать какое-либо средство правовой защиты, позволяющее оспаривать законы Высоких Договаривающихся Сторон как таковые в национальном органе власти на том основании, что они не соответствуют Конвенции" (см. Постановление Европейского суда по делу "Джеймс и другие против Соединенного Королевства" (*James and Others v. the United Kingdom*) от 21 февраля 1986 г., Series A, N 98, p. 47, § 85). Таким образом, статья 13 Конвенции не может толковаться как требующая предоставления эффективного средства правовой защиты, позволяющего подать жалобу на отсутствие в национальном законодательстве права на судебное разбирательство в том виде, в каком оно содержится в пункте 1 статьи 6 Конвенции.

Однако в отношении предполагаемого необеспечения судебного разбирательства в разумный срок невозможно выявить подобного ограничения сферы применения статьи 13 Конвенции.

152. Вместе с тем, место статьи 13 Конвенции в системе защиты прав человека, созданной Конвенцией, обуславливает сведение к минимуму предполагаемых ограничений ее применения.

В соответствии со статьей 1 Конвенции (которая гласит: "Высокие Договаривающиеся Стороны обеспечивают каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе I настоящей Конвенции"), основная обязанность по реализации и обеспечению гарантированных прав и свобод возложена на национальные власти. Механизм подачи жалобы в Европейский суд является по отношению к национальным системам защиты прав человека вспомогательным институтом. Об этом вспомогательном характере свидетельствуют положения статьи 13 и пункта 1 статьи 35 Конвенции.

Целью пункта 1 статьи 35 Конвенции, устанавливающего правило исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты, является предоставление Договаривающимся государствам возможности предупреждения либо исправления вменяемых им нарушений до того, как жалоба на них будет передана в Европейский суд (см., среди недавних прецедентов, Постановление Большой палаты Европейского суда по делу "Сельмуни против Франции" (*Selmouni v. France*), жалоба N 25803/94, § 74, ECHR 1999-V). Действие пункта 1 статьи 35 Конвенции основано на отраженном в статье 13 Конвенции (эти две нормы очень похожи) предположении, что в отношении предполагаемого нарушения конвенционных прав имеется эффективное внутригосударственное средство правовой защиты (там же).

Таким образом, статья 13 Конвенции, непосредственно выражая обязательство Договаривающихся государств защищать права человека, прежде всего, в рамках их собственной правовой системы, устанавливает дополнительную гарантию для частных лиц, обеспечивая эффективное пользование их правами. Целью статьи 13 Конвенции, как следует из подготовительных работ (см. *Collected Edition of the "Travaux \{Preparatoires\}*" of the European Convention on Human Rights, vol. II, pp. 485 and 490, and vol. III, p. 651), является обеспечение средства правовой защиты, с помощью которого частные лица могли бы получить на национальном уровне компенсацию за нарушения их конвенционных прав, прежде чем задействовать международный механизм подачи жалобы в Европейский суд. С этой стороны право частного лица на судебное разбирательство в разумный срок будет менее эффективным, если отсутствует возможность предварительного обжалования нарушения Конвенции в государственный орган; и требования статьи 13 Конвенции должны рассматриваться как усиливающие требования пункта 1 статьи 6 Конвенции, а не поглощенные закрепленным в данной статье общим обязательством не допускать чрезмерных задержек при производстве по делам.

153. Однако власти Польши утверждали, что требование предоставления средства правовой защиты от слишком долгих процессов на основании статьи 13 Конвенции является наложением на Договаривающиеся государства нового обязательства ввести "право на обжалование", в частности право на обжалование по существу, которое, как таковое, гарантировано только в рамках

уголовного процесса статьей 2 Протокола N 7 Конвенции; а также что на практике использование такого средства правовой защиты привело бы лишь к удлинению срока рассмотрения дел в национальных судах (см. выше § 142, 143).

154. Европейский суд не согласился с замечаниями властей Польши.

Средство обжалования неразумного срока производства по делу само по себе не затрагивает обжалование результатов "разбирательства" в случае спора о гражданских правах и обязанностях или при предъявлении любого уголовного обвинения. В любом случае, как неоднократно указывал Европейский суд, Договаривающиеся государства, будучи обязанными соблюдать требования Конвенции, имеют определенные пределы усмотрения относительно способа предоставления средства правовой защиты в соответствии со статьей 13 Конвенции и соблюдения обязательств, возложенных на них данным положением Конвенции (см., например, Постановление Европейского суда по делу "Кайя против Турции" (*Kaya v. Turkey*) от 19 февраля 1998 г., Reports 1998-I, pp. 329 - 30, § 106).

Что касается предположения о том, что требование о введении дополнительного средства правовой защиты может привести к увеличению громоздкости процесса в национальных органах, Европейский суд отметил, что, хотя в настоящее время в правовых системах Договаривающихся государств отсутствуют яркие образцы средств правовой защиты от чрезмерной продолжительности рассмотрения дел, в прецедентной практике Европейского суда появляются примеры по вопросу об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты, которые показывают, что вполне возможно создание и эффективное действие таких средств (см., например, Решение Европейского суда по делу "Гонсалес Марин против Испании" (*Gonzalez Marin v. Spain*), жалоба N 39521/98, ECHR 1999-VII; Решение Европейского суда по делу "Томе Мота против Португалии" (*Tome Mota v. Portugal*), жалоба N 32082/96, ECHR 1999-IX).

155. Если статья 13 Конвенции, как предложили власти Польши, должна толковаться как не применимая к праву на судебное разбирательство в разумный срок, гарантированному пунктом 1 статьи 6 Конвенции, частные лица вынуждены будут систематически обращаться в Европейский суд с жалобами, которые, по мнению Европейского суда, было бы правильнее сначала рассматривать в рамках национальной правовой системы. В перспективе это может ослабить эффективное функционирование как на национальном, так и на международном уровнях, системы защиты прав человека, созданной Конвенцией.

156. Учитывая все вышесказанное, Европейский суд счел, что правильным является толкование статьи 13 Конвенции, в соответствии с которым данная норма гарантирует эффективное средство правовой защиты в государственном органе в отношении предполагаемого нарушения требования рассматривать дела в разумный срок, закрепленного в пункте 1 статьи 6 Конвенции.

### 3. Соблюдение требований статьи 13 Конвенции

157. Как неоднократно отмечал Европейский суд, статья 13 Конвенции гарантирует наличие в национальной правовой системе средства правовой защиты, обеспечивающего на национальном уровне защиту конвенционных прав и свобод в любой форме. Таким образом, статья 13 Конвенции требует предоставления внутригосударственного средства правовой защиты, позволяющего рассмотреть по существу "обоснованную жалобу" на нарушение Конвенции и предоставить соответствующую компенсацию (см., среди прочих источников, упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "Кайя против Турции").

Объем обязательств Договаривающихся государств по статье 13 Конвенции варьируется в зависимости от характера жалобы заявителя; но средство правовой защиты, требуемое статьей 13 Конвенции, должно быть "эффективным" как на практике, так и на законодательном уровне (см., например, Постановление Большой палаты Европейского суда по делу "Ильхан против Турции" (*Ilhan v. Turkey*), жалоба N 22277/93, § 97, ECHR 2000-VII). "Эффективность" "средства правовой защиты" по смыслу статьи 13 Конвенции не зависит от определенности благоприятного для заявителя исхода. Так же "орган", указанный в данной норме, необязательно должен быть судебным; но, если он не является судебным, его полномочия и предоставляемые им гарантии имеют существенное значение при определении того, является ли эффективным данное средство правовой защиты. Кроме того, даже если какое-либо одно средство правовой защиты не соответствует требованиям статьи 13 Конвенции в полном объеме, им может соответствовать совокупность предусмотренных национальным законодательством средств (см., среди прочих источников, Постановление Европейского суда по делу "Сильвер и другие против Соединенного Королевства" (*Silver and Others v. the United Kingdom*) от 25 марта 1983 г., Series A, N 61, p. 42, § 113; Постановление Европейского суда по делу "Чахал против Соединенного Королевства" (*Chahal v. the United Kingdom*) от 15 ноября 1996 г., Reports 1996-V, pp. 1869 - 1870, § 145).

158. Европейскому суду остается определить, были ли доступные заявителю в соответствии с польским законодательством средства обжалования срока рассмотрения его дела "эффективными", чтобы предупредить или предотвратить предполагаемое нарушение либо предоставить адекватную компенсацию за любое уже совершенное нарушение.

159. Прежде всего, Европейский суд отметил, что власти Польши утверждали не то, что имелось какое-либо средство правовой защиты, с помощью которого заявитель мог обжаловать срок производства по его делу, а то, что совокупность нескольких средств правовой защиты удовлетворяла требованиям статьи 13 Конвенции. Однако, они не указали, мог ли заявитель получить компенсацию (превентивную либо компенсаторную), и если да, то каким образом, если бы он прибегнул к указанным средствам правовой защиты

(см. выше § 145). Власти Польши не пояснили, как какое-либо отдельное средство правовой защиты либо совокупность таких средств могли ускорить рассмотрение дела заявителя либо предоставить ему адекватную компенсацию за уже произошедшие задержки. Также власти Польши не привели ни одного примера из национальной практики, подтверждавшего, что с помощью указанных средств правовой защиты заявитель мог получить такую компенсацию.

Это доказывает, что указанные властями Польши средства правовой защиты не отвечали стандарту "эффективности" для целей статьи 13 Конвенции, потому что, как отмечал Европейский суд (см. выше § 157), требуемое средство правовой защиты должно быть эффективным как на законодательном уровне, так и на практике.

160. Соответственно, Европейский суд признал, что в настоящем деле имело место нарушение статьи 13 Конвенции вследствие того, что заявитель не располагал эффективным средством правовой защиты, с помощью которого он мог реализовать свое право на "судебное разбирательство в судебный срок", гарантированное пунктом 1 статьи 6 Конвенции.

v. Применение статьи 41 Конвенции

161. Статья 41 Конвенции гласит:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

a. Ущерб

162. Заявитель потребовал 480000 злотых в качестве компенсации материального ущерба, причиненного потерей доходов от коммерческой деятельности вследствие длительного заключения под стражей.

Заявитель также просил Европейский суд присудить ему 800000 долларов США либо эквивалентную сумму в польских злотых в качестве компенсации морального вреда, причиненного душевными страданиями вследствие нарушения его конвенционных прав.

163. Власти Польши считали, что требования заявителя были слишком завышенными. Они просили Европейский суд признать, что установление факта нарушения Конвенции само по себе являлось достаточной справедливой компенсацией. В качестве альтернативного варианта они предложили Европейскому суду вынести решение о справедливой компенсации на основании прецедентной практики Европейского суда по аналогичным делам и с учетом экономической ситуации в Польше.

164. Европейский суд, проанализировав имевшиеся в его распоряжении доказательства, пришел к выводу, что заявитель не доказал, что ему действительно был причинен материальный ущерб вследствие содержания его



под стражей в рассматриваемый период. Следовательно, не имеется оснований для присуждения ему компенсации материального ущерба.

165. Вместе с тем, Европейский суд признал, что заявителю, несомненно, причинен моральный вред (душевные страдания и чувство разочарования, возникшие вследствие длительного срока содержания его под стражей), который не мог быть компенсирован самим выводом о нарушении Конвенции. Исходя из принципа справедливости, Европейский суд присудил заявителю 30000 злотых в качестве компенсации морального вреда.

в. Судебные расходы и издержки

166. Заявитель получил от Совета Европы правовую помощь на представление его дела. Он потребовал 30400 долларов США в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных во время рассмотрения его дела в Европейском суде.

167. В своем меморандуме власти Польши предложили Европейскому суду присудить компенсацию, если он вообще сочтет это необходимым, только в пределах, в которых они были действительны, вынужденно понесены и разумны в своем размере. На слушаниях в Европейском суде власти Польши заявили, что требование о компенсации судебных расходов и издержек было слишком завышенным.

168. Европейский суд рассмотрел данное требование в свете принципов, установленных в его прецедентной практике (см. Постановление Большой палаты Европейского суда по делу "Николова против Болгарии" (Nikolova v. Bulgaria), жалоба N 31195/96, § 79, ECHR 1999-II; Постановление Большой палаты Европейского суда по делу "Езтюрк против Турции" (Ozturk v. Turkey), жалоба N 22479/93, § 83, ECHR 1999-VI; Постановление Европейского суда по делу "Витольд Литва против Польши" (Witold Litwa v. Poland), жалоба N 26629/95, § 88, ECHR 2000-III).

Применяя указанные критерии в настоящем деле и исходя из принципа справедливости, Европейский суд счел разумным присудить заявителю 20000 злотых в качестве компенсации судебных расходов и издержек плюс налог на добавленную стоимость, который может быть установлен на эту сумму, за вычетом 10589 французских франков, предоставленных заявителю Советом Европы в качестве правовой помощи.

с. Процентная ставка при просрочке платежей

169. Согласно информации, полученной Европейским судом, годовая процентная ставка, применяемая в Польше, на день принятия настоящего Постановления, составляет 21%.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД:

- 1) единогласно постановил, что нарушение статьи 3 Конвенции места не имело;
- 2) единогласно постановил, что имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции;
- 3) единогласно постановил, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции;



- 4) постановил шестнадцатью голосами против одного, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции;
- 5) единогласно постановил:
- а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев выплатить заявителю следующие суммы:
- i) 30000 (тридцать тысяч) злотых в качестве компенсации морального вреда;
- ii) 20000 (двадцать тысяч) злотых в качестве компенсации судебных расходов и издержек плюс сумму налога на добавленную стоимость, который может быть установлен к этой сумме, за вычетом 10589 (десять тысяч пятьсот восемьдесят девять) французских франков, переведенных в польские злотые по курсу на день вынесения настоящего Постановления;
- б) что с момента истечения указанного трехмесячного срока до момента выплаты должны начисляться простые проценты в размере 21% годовых;
- 6) единогласно отклонил остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском и французском языках и оглашено на открытом слушании во Дворце прав человека в г. Страсбурге 26 октября 2000 г.

Председатель Суда

Люциус ВИЛЬДХАБЕР

Заместитель Секретаря-Канцлера Суда

Пол Дж. МАХОНИ

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему Постановлению прилагается частично особое мнение судьи Й. Касадеваля.

л.в.

п.Дж.М.

#### ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ Й. КАСАДЕВАЛЯ

1. Я не согласен с мнением большинства о том, что Европейскому суду необходимо отступить от прецедентной практики и выносить в настоящем деле решение также и по жалобе на предполагаемое нарушение статьи 13 Конвенции, что отсутствовало эффективное средство правовой защиты, после того как он уже установил нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции вследствие того, что разумный срок производства по тому же делу был превышен.
2. Учитывая, в частности, формулировку статьи 13 Конвенции, которая одновременно лаконична и широка, действительно, ничто не мешает применению этой статьи к различным аспектам "права на судебное разбирательство", закрепленного в пункте 1 статьи 6 Конвенции <\*>. У меня с этим трудностей, во всяком случае, не возникает. При этом сложности всякого рода, которые может создать эта новая практика для Европейского суда, государств-членов Совета Европы и, прежде всего, лиц, которые единственно и должны пользоваться защитой, предоставляемой Конвенцией, заявителей, внушают мне опасение, что лекарство хуже болезни. Я объясню почему.

-----  
<\*> См. § 151 Постановления.

3.Прежде всего, основания, по которым Европейский суд отступил от предшествующей прецедентной практики. Теоретически я могу согласиться с мотивировкой, приведенной в § 147 Постановления, в соответствии с которой пересечение и, соответственно, поглощение отсутствует в случаях, когда, как в настоящем деле, предполагаемое нарушение Конвенции, которое лицо хотело бы обжаловать в "государственном органе", является нарушением права на судебное разбирательство в разумный срок. Однако остальная часть оценки Европейского суда, в которой он ссылается на все большее количество поступающих в Европейский суд жалоб на срок рассмотрения дел, не представляет собой правового интереса <\*>.

-----  
<\*> "... В свете поступления на его рассмотрение все большего количества жалоб, в которых заявители жалуются исключительно либо в основном на несоблюдение их права на судебное разбирательство в разумный срок" (см. § 148 Постановления).

В июле 1999 года в ряде дел против Италии, касавшихся продолжительности рассмотрения дел в национальных органах, на которые содержится ссылка в § 148 Постановления, Европейский суд действительно постановил, что поступление жалоб на одни и те же нарушения отражало длящееся положение, которое не было исправлено и в отношении которого у заявителей не имелось внутригосударственных средств правовой защиты. Поступление все большего количества жалоб на одинаковые нарушения привело Европейский суд к выводу, что существовала практика, не соответствовавшая Конвенции. С тех пор Европейский суд устанавливал все больше и больше нарушений по жалобам, основанным исключительно либо в основном на слишком долгом рассмотрении дел в национальных органах, подававшимся против многих государств-членов Совета Европы. Но в соответствии с Конвенцией Европейский суд обязан изучать и рассматривать жалобы в том виде, в каком они представлены заявителями. Решение, подобное принятому Европейским судом в § 149 Постановления, в соответствии с которым пришло время в свете поступления на его рассмотрение все большего количества жалоб на чрезмерный срок рассмотрения дел рассмотреть отдельно данную жалобу на предмет нарушения статьи 13 Конвенции, по моему мнению, имеет скорее целесообразный, нежели правовой характер.

4.Кроме того, я не уверен, что уровень судебной защиты, предоставляемой Конвенцией на европейском уровне, будет повышен просто вследствие того, что Европейский суд теперь будет иметь возможность устанавливать двойное нарушение: сначала в связи с чрезмерным сроком рассмотрения дела в государственном органе, а затем в связи с отсутствием эффективного средства правовой защиты от первого нарушения. Дополнительное установление нарушения статьи 13 Конвенции само по себе не преодолевает эндемических структурных проблем, существующих в судебных системах некоторых

государств-членов Совета Европы, в большей степени, чем это делал раньше вывод о том, что существует практика, не соответствующая Конвенции. Это не уменьшит загруженность Европейского суда, по крайней мере, в среднесрочной перспективе.

5.Целью данного решения о нарушении статьи 13 Конвенции является напоминание государствам об их обязанностях в соответствии с принципом субсидиарности, а также поощрение их на создание в их национальных правовых системах эффективного средства правовой защиты, которое позволило бы частным лицам обжаловать чрезмерный срок рассмотрения их дела. Даже если предположить, что такое средство правовой защиты создано, я едва ли могу понять, каким образом структурная проблема неразумной длительности производства по делу может быть решена с помощью обязательства исчерпать сначала, как того требует статья 35 Конвенции, дополнительное средство правовой защиты, предназначенное для обжалования продолжительности производства по делу.

Ничто не подтверждает предположение о том, что подобная жалоба будет рассмотрена в более разумный срок, чем основное дело. Кроме того, ничто не подтверждает и предположение о том, что рассмотрение основного дела пойдет быстрее в результате подачи подобной жалобы. В конечном счете, лишь потерпевший пострадает от последствий такого положения.

6.Я также считаю, что после этого отступления от предшествовавшей прецедентной практики перед Европейским судом обязательно встанут другие вопросы, по которым ему придется выносить решение. Например, в соответствии с прецедентной практикой Европейского суда средство правовой защиты, требуемое статьей 13 Конвенции, должно быть "эффективным как на практике, так и на законодательном уровне", и оно должно предоставлять с определенной степенью вероятности "соответствующую компенсацию" заинтересованному лицу <\*>. Однако простое установление национальными судами нарушения обязанности вынести решение в разумный срок (осуществленное после исчерпания такого средства правовой защиты) и даже присуждение компенсации морального вреда в соответствующих случаях не позволяют считать данное средство правовой защиты эффективным, если производство по существу дела по-прежнему продолжается.

-----  
<\*> См., среди прочих источников, Постановление Европейского суда по делу "Аксой против Турции" (Aksoy v. Turkey) от 18 декабря 1996 г., Reports of Judgments and Decisions 1996-VI.

В любом случае несколько лет спустя заявитель будет вынужден подать в Европейский суд жалобу на нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции, а также, на этот раз абсолютно правильно, статьи 13 Конвенции. Эффективность защиты прав человека тем самым будет не повышена, а наоборот уменьшена.

7.Хотя Европейский суд напомнил <\*>, что Договаривающиеся государства "имеют определенные пределы усмотрения относительно способа предоставления средства правовой защиты в соответствии со статьей 13

Конвенции", и хотя Европейский суд имел в виду "средства правовой защиты, которые являются настолько эффективными, насколько это возможно с учетом ограничений, имеющихся при обращении к этим средствам в [конкретном контексте]" <\*>, требование эффективности означает, что такое средство правовой защиты должно предоставляться органом, отличающимся (и независимым) от органа, выносящего решение по существу дела, так как именно последний несет ответственность за то, что решение не было вынесено в разумный срок, и, соответственно, за предполагаемое нарушение, обжалованное заявителем. Кроме того, решения такого органа должны иметь обязательную силу, так как иначе требование эффективности не будет соблюдено <\*\*\*>.

-----  
<\*> См. § 154 Постановления.

<\*\*\*> См. § 151 Постановления.

<\*\*\*> Обращение к Комиссару Парламента, который не имеет права предоставлять компенсацию, не является эффективным средством правовой защиты (см. Постановление Европейского суда по делу "Сильвер и другие против Соединенного Королевства" (Silver and Others v. the United Kingdom) от 25 марта 1983 г., Series A, N 61, p. 43, § 115).

в.Наконец, я хотел бы подчеркнуть, что в значительном количестве дел Европейский суд устанавливал нарушение права на судебное разбирательство в разумный срок, когда чрезмерным был срок рассмотрения дела в высших судах государств-членов Совета Европы <\*>. Куда или к кому тогда должны обращаться потерпевшие, чтобы либо ускорить производство по делу либо получить компенсацию вреда, причиненного нарушением пункта 1 статьи 6 Конвенции, когда нарушение совершено высшим судом страны?

-----  
<\*> См., например, Постановление Европейского суда по делу "Руис-Матеос против Испании" (Ruiz-Mateos v. Spain) от 23 июня 1993 г., Series A, N 262, p. 23, § 51; и среди более поздних источников Постановление Европейского суда по делу "Гаст и Попп против Германии" (Gast and Poppe v. Germany), жалоба N 29357/95, ECHR 2000-II; Постановление Европейского суда по делу "Саввиду против Греции" (Savvidou v. Greece) от 1 августа 2000 г., жалоба N 38704/97; Постановление Европейского суда по делу "Гиссе против Франции" (Guisset v. France), жалоба N 33933/96, ECHR 2000-IX.

Учитывая все вышесказанное, я не могу согласиться с мнением большинства судей о том, что Европейскому суду было необходимо установить нарушение статьи 13 Конвенции. На мой взгляд, в настоящем деле было бы достаточно установить нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.